

Роман Глушков

ХОЛОДНАЯ КРОВЬ

Апокалипсис-СТ

Роман Глушков

Холодная кровь

«ЭКСМО»

2008

Глушков Р. А.

Холодная кровь / Р. А. Глушков — «Эксмо»,
2008 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-699-26265-6

Майор Константин Куприянов, специальный оперативник-интродер военно-разведывательного Ведомства, проник в Зону не ради поиска артефактов и острых ощущений. Выполняя приказ командования, он идет по следу похищенного ракетного комплекса «Пурга-Д», переправленного через периметр Зоны бандой контрабандистов в погонах. Задача майора – не допустить, чтобы новейшее оружие попало в руки военизированной секты «Монолит», намеревающейся с его помощью уничтожить Небесного Паука – загадочную неприступную цитадель. Планируя операцию, Куприянов не представляет, в какую коварную ловушку заведет его рейд по Зоне, которая вознамерилась столкнуть интродера с самым жестоким врагом – его собственным кровавым прошлым...

ISBN 978-5-699-26265-6

© Глушков Р. А., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	30
Глава 4	40
Глава 5	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Роман Глушков

Холодная кровь

«Он стоял у порога тайны, где прахом рассыпаются наши расчеты, где река времени исчезает в песках вечности, где гибель формулы заключена в пробирке, где царят хаос и древняя ночь и сквозь сон мы слышим в эфире хохот».

«Но я не ушел – и, должно быть, правильно сделал, потому что вы никогда не сможете уйти от того, от чего вам хотелось бы уйти больше всего на свете».

Роберт Пенн Уоррен «Вся королевская рать»

Глава 1

Кордон не зря считается визитной карточкой Зоны, которую она нахально тычет в нос каждому пересекшему периметр зеленому сталкеру. Дескать, вот она какая – Зона, – а здесь то, что она может предложить вам для ознакомления из своих образцов. Будьте осторожны: прямо перед вами – коварная аномалия. (Не видите? Уж поверьте – она там точно есть. А не верите, так проверьте. Или слабо?) В ближайшей ложбине – парочка не слишком ценных артефактов, а вон там, возле заброшенной фермы, – злобные, тупые и вечно голодные мутанты. Но это далеко не весь ассортимент Зоны. Хотите ознакомиться с ним поподробнее? Никаких проблем, пойдемте дальше. А пропала охота – проваливайте восвояси, пока еще есть возможность. Однако если примете предложение, непременно останетесь довольны. Полный спектр экстремальных развлечений ожидает вас, как только вы минуете последний блокпост и, покинув Кордон, окажетесь в настоящем «бизнесе». С этого мгновения разорвать контракт будет гораздо сложнее, а в качестве неустойки по нему Зона может затребовать вашу жизнь. Таковы правила. Вас сюда никто не звал, но раз уж вы все-таки явились, извольте подчиняться...

Майор Константин Куприянов, он же оперативник-интродер Вedomства, работающий под кодовым именем Кальтер, был не единожды бит сукой-жизнью и, взглянув на «визитку» Зоны, сразу понял, с какой паскудной тварью ему предстоит иметь дело. Однако, в отличие от прочих искателей приключений, что подписывали с нею контракт на добровольной основе, у майора не было выбора. В этой сделке он являлся всего лишь исполнителем приказов своего командования. А оно не давало Кальтеру права отвергать сотрудничество с Зоной на основе личной неприязни к ней. И потому интродер, осмотрев Кордон в бинокль с первого же попавшегося на пути холма, лишь раздосадованно скрипнул зубами и отправился на юго-запад, к месту встречи с осведомителем.

Тяжелые серые тучи ползли над головой Кальтера так низко, что казалось, до них можно дотянуться рукой. Вечно пасмурное, свинцовое небо Зоны походило на дополнительный саркофаг, сооруженный могучими силами природы поверх основного над Четвертым реактором ЧАЭС и прилегающей к нему территорией. Мать-природа явно не доверяла в этом вопросе своему нерадивому дитяти – строителю первого Саркофага – человеку, вот и перестраховывалась. Да и как тут доверять – ведь не кто иной, как человек построил в этих местах ядерную электростанцию и позволил четверть века назад взорваться одному из ее реакторов. Последствия того взрыва до сих пор будоражат не только Европу, но и весь мир, пристально следящий за тем, что творится в Зоне.

Где-то за тучами скрывалось солнце – желанный, но редкий гость в этих местах. Сегодня оно точно не появится. Скорее, наоборот, к полудню разразится дождь. Сухая трава и желтеющие, готовые вот-вот облететь листья деревьев шелестели на ветру, и Кальтеру почему-то

не верилось, что когда-то они были зелеными. Майор скорее поверил бы, что местная флора вырастает уже сухой и пожухлой, поскольку так и не сумел представить, как в Зоне на деревьях набухают почки, а из земли пробивается изумрудная молодая травка. Если что и рождается в изобилии на этой проклятой радиоактивной земле, так только аномалии. И кто вообще додумался присвоить им этот термин? Цветы, сочные луга, обычные, а не мутировавшие в монстров, животные и птицы – вот они-то и являются для Зоны аномальными. А смертельно опасные очаги паранормальной энергии – это по тутошним меркам норма.

Так же, как тотальное запустение, разруха и «постоянно переменчивый», холодный ветер, порой меняющий свое направление по несколько раз в минуту. Майор не хотел себе в этом признаваться, но он боялся местного ветра, поскольку тот был не просто незнакомым – он был *чужим*. Даже сухие и горячие ветры Ближнего Востока и Средней Азии, где Кальтеру часто приходилось бывать по долгу службы, были для него куда роднее, чем та воздушная стихия, которая дышала сейчас интродуценту в лицо. И если бы дело заключалось только в специфических, по большей части тревожных запахах Зоны. Нет, в действительности все было гораздо сложнее. Кальтер не мог объяснить, что вызывает в нем эту «антиветренную» реакцию отторжения. Вероятно, вместе с обычными запахами в здешнем воздухе витали флюиды тех самых аномалий и мутантов, которые готовились заключить вторгнувшегося сюда интродуцента в свои смертоносные объятия.

Отвратительный коктейль жутких ароматов: постоянного страха смерти, ненависти, неизвестности и всеобщего увядания. Зона преподнесла Кальтеру грязную, покрытую ржавчиной чашу, наполненную до краев этим дурно пахнущим напитком, и майору предстояло осушить ее до дна. Что поделаешь – судьба, а над ней майор был не властен. За него все решало могучее Ведомство, и если оно приказывало Кальтеру «Пей!», он давился, но выпивал выставленное ему пойло до последней капли. Так было и так есть. А будет ли дальше, никому не ведомо. Доживем – узнаем...

Четверть века назад на месте южного сектора нынешнего Кордона, через который и проник в Зону Кальтер, находился советский колхоз, и, судя по всему, довольно богатый. Обширные, давным-давно заросшие травой угодья; полуразрушенные фермы, сушилки, зернотоки, мехмастерские и гаражи; брошенная повсюду, насквозь проржавевшая техника... Прошагав перелесками пару километров, майор даже наткнулся на маленькую фабрику, предназначение которой сегодня определить уже не представлялось возможным. Поначалу Кальтер хотел туда завернуть, чтобы забраться на крышу двухэтажного цеха и получше изучить окрестности, но, подойдя поближе, обнаружил, что фабрика обитаема. Десяток вооруженных типов в потертых кожаных куртках расположились там на привал или охраняли какой-то ценный груз. Но явно не тот, который интересовал вторгшегося в Зону майора.

Интродуцент схоронился в кустах и, включив микрофон направленного действия, нацелил его на притаившуюся за облупленными стенами компанию. Но вскоре прекратил разведку и, обойдя фабрику стороной, продолжил свой путь. Кальтеру хватило и короткого радиопрослушивания, чтобы понять, на кого он наткнулся. Специфический жаргон, на котором изъяснялись промышляющие в Зоне бандитские шайки, позволял демаскировать эту публику даже в темноте – тоже, так сказать, визитная карточка одного из здешних стайных хищников.

Чтобы попасть в поселок, где проживал разыскиваемый Кальтером осведомитель, майору требовалось пересечь единственную в округе неширокую асфальтированную дорогу, по которой периодически курсировали армейские патрули. В отличие от бандитов, интродуцент мог сделать это в открытую – выданные ему документы военного наблюдателя были подлинными. Однако показываясь раньше времени на глаза солдатам местного миротворческого контингента, Кальтер мог привлечь внимание людей, которых Стратег промаркировал ему в качестве «помехи». Что вынудило бы их насторожиться и перенести намеченную где-то в Зоне нелегальную сделку по продаже оружия. Поэтому интродуцент решил перейти дорогу так, как его

учили еще в детстве: прежде чем ступить на проезжую часть, внимательно посмотреть налево-направо во избежание эксцессов. Впрочем, в этих местах они могли подстергать пешехода даже на абсолютно пустынной дороге.

Последнюю сотню метров до препятствия Кальтеру пришлось двигаться по открытой местности, и когда он, крадучись, преодолел уже половину этого расстояния, на дороге вдруг нарисовался проклятый патруль. Солдаты неторопливо следовали в направлении второго – внутреннего – блокпоста, что располагался километром севернее, неподалеку от обвалившегося железнодорожного моста, некогда переброшенного через эту же дорогу. Военных сопровождали трое гражданских в защитных куртках-ветровках с капюшонами и в напыленных на лица простеньких респираторах. Сборная команда из еще не оперившихся сталкеров и армейцев могла показаться интродеру странной, если бы его не уведомили, что на Кордоне подобное в порядке вещей. Почти у каждого обитателя Зоны, будь он хоть отъявленным бандюком, хоть рядовым солдатом-первогодком, имелся здесь свой маленький бизнес. Даже военные сталкеры, кадровые бойцы армейского спецназа, плевали на инструкции и втихую подторговывали собранными артефактами. Ну а простая мотопехота, которой запрещалось соваться в глубь зараженных территорий, зарабатывала себе на дембель, что называется, не отходя от казарм. Например, препровождая новоиспеченных сталкеров через Кордон, дабы те не нарвались преждевременно на бандитов или мутантов, и попутно читая салагам краткий инструктаж относительно поведения в Зоне.

Именно на такую группу и наткнулся подбирающийся к дороге интродер. Его и патруль разделяло еще довольно приличное расстояние, но майор предпочел не рисковать. Заметив нежелательных свидетелей, он метнулся к первому же оказавшемуся на пути укрытию: стоящему в кювете ржавому трактору «Беларусь», покрышки которого давно истлели и превратились в лохмотья. Под ним вполне могла оказаться аномалия, но, к счастью, Кальтеру подфартило, и даже радиацией от трактора фонило не слишком сильно. Юркнув под тракторное днище, майор притаился за массивной ступицей заднего колеса и стал практически частью нависшей над ним груды железного хлама. Благо расцветка камуфлированного майорского комбинезона была разработана лабораторией Ведомства специально для условий Зоны и позволяла незаметно прятаться хоть на мусорных свалках, хоть в поле, хоть на голых камнях. Тем более что играть в подобные прятки интродеру приходилось уже два десятка лет, и то, что он был до сих пор жив, являлось прямым доказательством его умения обманывать «водящих». А ведь бывало, в их роли выступали такие же мастера своего дела, как сам Кальтер. Чего стоили одни только пакистанские «черные аисты», с которыми майор столкнулся в прошлом году под Пешаваром...

Майор находился в Зоне считанные часы и только вникал в правила здешней жизни. «Не спеши и осмотри!» – гласило одно из них. Известный в Ведомстве ветеран спецотдела «Мизантроп», полевой оперативник Кальтер бывал в местах не менее отвратительных. Однако там, по крайней мере, ему противостояли обычные, а не «аномальные» враги, поведение коих было в целом предсказуемо. Здесь же нельзя было предсказать даже свой следующий шаг, не говоря об остальных местных причудах. Поэтому Кальтер старался не суетиться, пускай его и поджимало время. Иррациональные порядки Зоны требовали от майора вдумчивого их постижения, поскольку, свято блюдя конспирацию, Ведомство не предусмотрело для него проводника. Оно полагало, что «мизантроп» и сам во всем разберется. Но даже недолго похажив по Кордону, Кальтер начал в этом сомневаться. Только куда деваться – приказ есть приказ, и это правило главенствовало над теми, которые интродеру еще предстояло постичь.

Пока что единственным врагом, с которым ему пришлось схватиться не на жизнь, а на смерть, являлась не в меру агрессивная фауна. Как любой из «мизантропов», майор предпочитал изучать незнакомого противника в бою, хотя без крайней необходимости Кальтер в схватку,

естественно, не лез. Драться с мутантами интродер не намеревался, но порой чуткие твари сами раскрывали его маскировку и желали познакомиться с ним поближе.

Легче всего оказалось отделаться от стаи слепых псов, встретившихся Кальтеру сразу у внешнего проволочного ограждения. Полдюжины уродливых зверюг шарахнулись в сторону, едва услышали щелчок взводимого винтовочного затвора. Майору даже не пришлось стрелять. Ход мысли безглазых собачек сработал в правильном направлении – кто-то из сталкеров явно научил эту стаю облезлых хищников уму-разуму, лишний раз подтвердив постулат дедушки Павлова об условных рефлексах.

Однако на этом короткая разминка закончилась, уступив место нескончаемому турниру, где главным и единственным призом для Кальтера стала его собственная жизнь, ценимая Ведомством, сказать по правде, куда выше, нежели самим «мизантропом».

Жирная бочкообразная тварь на длинных и тонких, будто у гигантского кузнечика, лапах, прозванная сталкерами псевдоплотью, не собиралась лакомиться майором, но ему все равно пришлось ее пристрелить. Что-то или кто-то вспугнул мутанта, и он галопом неся прямо на притаившегося в высокой траве интродера. И если бы он не уложил монстра из своей компактной «ВМК-3.0», оснащенной интегрированным глушителем и многофункциональной подствольной ракетницей, псевдоплоть налетела бы на Кальтера, переломав ему ребра и оттоптав почки.

А с псевдособаками, что ошивались возле оккупированной бандитами фабрики и учуяли крадущегося в кустах человека, вышел конфуз, едва не закончившийся для майора плачевно. Ничтоже сумняшеся, он решил отделаться от псевдопсов при помощи «Паникера» – специального репеллента, разработанного лабораторией Ведомства для быстрого и эффективного отпугивания хищных животных. Кальтер не стал проверять, испугаются ли щелканья затвора эти свирепые, клыкастые и, в отличие от первой встреченной им стаи, глазастые твари. Равно как и стрелять по ним интродер тоже поначалу отказался. Пальба из автоматической винтовки, даже имеющей хороший глушитель, вблизи бандитского лагеря обязательно долетела бы до ушей двуногих хищников со стрелковым оружием.

Завидев, как бегущая псевдособачья свора разворачивается и направляется к нему, Кальтер выхватил из разгрузочного жилета нужный экспресс-распылитель и «чихнул» из него навстречу приближающемуся зверью. После чего все же вскинул для острастки «ВМК» – а вдруг взятая майором в командировку химия не подействует?

Как в воду глядел. Поначалу все вроде бы шло гладко. Учув неувимый для человеческого носа «Паникер», псевдособаки шарахнулись в стороны и заметались по округе. «Отлично, – мысленно резюмировал майор полевое тестирование экспериментального репеллента. – По крайней мере, хотя бы одна из новых разработок наших „толстолобиков“ окупил потраченные на нее бюджетные деньги».

Но не успел Кальтер убрать распылитель назад, в «разгрузку», как псевдособаки вновь сбились в дружную стаю и рванули к уже празднующему победу человеку. Если бы не лежащее неподалеку, вывороченное из земли с корнем дерево, вряд ли бы майор вышел без единой царапины из схватки с разъяренной сворой четвероногих мутантов. Кинувшись наутек, он вскочил на поваленный древесный ствол и, поспешно вскарабкавшись на недостижимую для псевдособак высоту, мысленно возблагодарил ту стихию, что уронила здесь этот могучий ясень. А также себя – за то, что всегда добросовестно относился к беговой и скалолазной подготовке (впрочем, недобросовестных бегунов и скалолазов в «Мизантропе» и не водилось).

Интродер присмотрелся, не привлекла ли погоня внимание бандитов на фабрике. А затем, убедившись, что нет, методично расстрелял одиночными выстрелами мечущихся под деревом и исходящих слюной мутантов. После чего зарекся впредь забыть о нелетальных средствах самообороны и не подпускать к себе на близкое расстояние аномальных обитателей

Зоны. Хотя уже через минуту понял, что дал себе глупую клятву – разве можно было в Зоне вообще от чего-то зарекаться?

С обнаружением очагов повышенной радиоактивности и аномалий – этих зловредных всплесков неизвестной энергии – у интродера вроде бы проблем не возникало. Опасная радиация улавливалась активным дозиметром. Ну а идущий в комплекте к сталкерскому ПДА – гибриду противоударного КПК и портативного радара – детектор аномалий фиксировал ближайшие их очаги, извещая о них назойливым вибросигналом («бипер» майор по вполне очевидным причинам сразу же отключил). Вдобавок вскоре Кальтер научился выявлять некоторые энергетические ловушки на глазок – они выдавали себя либо исходящим от них маревом, либо электрическими всполохами, либо фосфоресцирующим свечением.

Но насколько бы точно ни был настроен детектор и каким бы острым зрением ни обладал сам Кальтер, все равно пару раз он чуть было не проморгал эту угрозу. Еще до встречи с псевдособаками майор едва не влетел в «вихрь», приняв тот за его безобидную атмосферную разновидность. Просто в этот момент Кальтер смотрел на другую находящуюся поблизости аномалию – более заметный, в отличие от «вихря», «трамплин» – и полагал, что детектор сигнализирует именно о нем. Едва не угодив впросак (и это еще мягко сказано!), интродер вынес из происшествия два немаловажных урока. Первый: стал меньше полагаться на детектор – как и всякая электроника, тот тоже не был застрахован от сбоев. И второй: переложил сталкерское правило «Не спеши и осмотришься» на мотив прилипчивой песенки и мусолил его в голове до тех пор, пока оно, фигурально выражаясь, не отпечаталось у майора на подкорке.

Однако и эта ежесекундная бдительность помогала не всегда. Перестреляв псевдособак, Кальтер соскочил с дерева и чуть было не прижег себе макушку «жгучим пухом», что свисал с ветки поваленного ясеня. Не узнай интродер заранее, как выглядит эта аномалия, мимикрирующая под обычную плакучую растительность, и его победа над стаей мутантов была бы сильно омрачена. Не сказать хуже – полностью аннулирована.

Только теперь майор по-настоящему пожалел о допущенной оплошности. А именно: о не взятом им с собой проверенном сталкерском средстве исследования впереди лежащего пути – мешочке с железными болтами. Прокол был из разряда тех, которые интродерам уровня Кальтера допускать просто позорно. «Еще я всякий хлам в карманах не таскал! – презрительно подумал он, изучив собранные для него Стратегом оперативные материалы о Зоне. – Перебьюсь как-нибудь без болтов, чай, не вчера родился! На кой черт мне, спрашивается, глаза, уши и куча всякой дорогостоящей электроники?»

Зоне оставалось лишь посмеяться над самоуверенностью Кальтера. Порой ему казалось, что он даже слышит ехидное хихиканье этой твари, чей неизменно хмурый лик вроде бы не предполагал наличия у нее чувства юмора. А может, это было вовсе не хихиканье, а *чужой* ветер, завывающий в остовах раскуроченной техники и руинах окрестных ферм?..

После этой череды досадных случаев, каждый из которых мог легко завершиться летальным исходом, Кальтер стал вдвойне осторожным. По личному опыту интродер знал: рано или поздно он обязательно столкнется с проблемой, решить которую нахрапом у него не выйдет. Зона щедра на сюрпризы, и на один приятный, как, например, найденный драгоценный артефакт, всегда приходится полсотни смертельно опасных.

Встреченный Кальтером армейский патруль сам по себе таковой опасностью, естественно, не являлся. Но он поневоле доставил майору целую уйму других трудностей. Миновав ржавую «Беларусь» и затаившегося под ней в кювете интродера, солдаты и сталкеры прошагали еще полсотни метров и поравнялись с будкой автобусной остановки, сохранившейся здесь с былых времен. Аналогичная постройка на противоположной обочине была разрушена до основания, и уцелевшая будка являлась единственным в округе удобным укрытием от дождя, что как раз начинал накрапывать над южным Кордоном.

Дождик был мелкий и в целом безобидный, поэтому командир патруля, глянув на небо, приказал солдатам продолжать движение по маршруту. Однако сталкеры не пожелаали мокнуть и, коротко посоветовавшись, решили пересидеть непогоду в будке. Тем более что идти до второго блокпоста оставалось всего ничего, и проводники новичкам в принципе уже не требовались. На том и разошлись: военные двинули на север, а сталкерская троица уселась под навесом и, запалив таблетку сухого горючего, взялась разогревать на ней по очереди банки с консервами. Кальтер заметил, что все новички вооружены пистолетами, которые парни предусмотрительно повынимали из карманов, дабы все время держать оружие наготове.

Приникший к земле майор мысленно выругался: вот дерьмо – теперь, чтобы выйти из поля зрения сталкеров и миновать-таки злополучную дорогу, придется преодолевать попластунски довольно приличное расстояние. Можно, конечно, отринуть конспирацию и преодолеть преграду прямо здесь, в открытую. А любопытные вопросы этой троицы, которые она наверняка захочет задать первому встреченному ею сталкеру, попросту проигнорировать. Однако не стоило забывать, что рассевшимся в будке новичкам вскоре придется пересекать второй блокпост, где они могут проболтаться солдатам о необщительном скитальце в странном комбинезоне. Так что раскрывать свое присутствие интродер был не вправе.

Кальтер уже начал выползать из-под трактора, как вдруг заметил неподалеку какое-то движение. Желая выяснить, кто еще помимо троицы сталкеров бродит по округе, майор снова затаился и, аккуратно выглянув из-за колеса, присмотрелся получше.

Сначала интродеру почудилось, что бредущий по кювету параллельно дороге человек тоже обнаружил его и для пущей незаметности присел на корточки. Но едва он возобновил движение, Кальтер сразу же понял, что если этот субъект когда-то и был человеком, то теперь он не является таковым даже формально, поскольку давно внесен в сетевые сталкерские справочники под именем снорк. С обязательной пометкой: разумный и крайне опасный мутант.

Сильные и невероятно прыгучие снорки повадками больше походили на шимпанзе: передвигались зигзагообразными скачками, опираясь на четыре конечности, а набрасываясь на жертву, не кусали ее, а забивали до смерти сокрушительными ударами. При этом сами совершенно не чувствовали боли, отчего не беспокоились о самосохранении и всегда были покрыты с ног до головы незаживающими ранами.

Но самая любопытная особенность снорков, над которой до сих пор ломают голову исследователи Зоны, кроется в другом. Этот злобный мутант почему-то жутко стесняется своего лица, вернее, морды, и всячески ее прячет, обожая использовать для этого старые противогазные маски, которые можно без проблем отыскать во всех уголках Зоны. Именно поэтому издали или в полумраке кажется, что голова у снорка абсолютно лысая, глаза – размером с олимпийскую медаль, а вместо носа у него – полуметровый хобот; в действительности – обрывок противогазного шланга. Иными словами, мутант он и есть мутант, как физически, так и умственно.

При виде прыгучего монстра Кальтер не впал в подобное заблуждение, ибо перед заброской в Зону прошел курс теоретического «мутантоведения». И потому майор решил, что если будет лежать в укрытии и не шевелиться, то снорк его не заметит и в скором времени уйдет. Или не уйдет, а надумает поохотиться на сидящую в будке троицу неопытных сталкеров. Они же понятия не имели о нависшей над ними угрозе, уплетая за обе щеки разогретые консервы и запивая их баночным пивом. Какая безалаберность, мысленно обругал их интродер, уже наученный на горьком опыте, чем чревата в Зоне излишняя самоуверенность. Неужто не осознают, куда приперлись, или надеются на близость блокпоста и думают, что здесь безопасно? Нет бы, прежде чем садиться обедать, сначала выставить наблюдателя. Снорк и не думал таиться, поэтому явно был замечен с дороги. Но парни не смотрели по сторонам, хотя солдаты наверняка проинструктировали их насчет элементарных мер предосторожности в этих диких местах.

Майор не собирался выручать компанию неосторожных сталкеров. У него имелись свои приказы, ради выполнения которых он не мешкая был готов принести в жертву хоть всех сталкеров Зоны, вместе взятых. Страдай Кальтер приступами благородства, ему не только не поручили бы эту работу, но и вообще не приняли бы в Ведомство. Интродеры спецотдела «Мизантроп» – не разменный товар, наподобие большинства полевых оперативников, коими командование без сожаления готово пожертвовать, если того требовала ситуация. На подготовку каждого «мизантропа» тратятся огромные средства, а степень риска интродеров перед предстоящим заданием просчитывается до процента. И если Кальтер начнет всякий раз в подобных случаях изображать из себя самоотверженного героя, он поставит под угрозу не только собственную драгоценную жизнь, но и, как бы высокопарно это ни звучало, безопасность своей страны. Чувство ответственности за нее было привито майору столь же крепко, как и навыки выживания. И потому интродер всегда и везде шел исключительно на тот риск, который был санкционирован его непосредственным командиром – Стратегом. Иного риска Кальтер не признавал.

Затаив дыхание, майор неотрывно следил за снарком. А тот, в свою очередь, замер и насторожился, прислушиваясь к голосам, доносившимся из будки. Кальтер уже мысленно пожелал безалаберным сталкерам удачи, как вдруг проклятый мутант повернул голову в его сторону и вылутился на трактор сквозь стеклянные кругляши противогазной маски.

Услышать майора тварь однозначно не могла. С момента ее обнаружения интродер не произвел ни звука, а уши снарка были к тому же скрыты под резиновой маской. Увидеть – тоже сомнительно. Обладай ты хоть орлиным зрением, но, глядя на мир через замызганные и треснутые стекла противогаза, вряд ли разглядишь что-нибудь дальше собственной вытянутой руки. Значит, снарк учуял затаившегося «мизантропа» либо при помощи обоняния, унюхав того через гофрированный шланг, либо еще каким-нибудь неведомым человеку шестым, седьмым или восьмым чувством. И разумный мутант имел достаточно мозгов, чтобы сообразить: гораздо проще расправиться с одиноким сталкером, нежели с целой группой этих двуногих особей.

Каковы снарки в бою, Кальтер знал только по имеющимся в архиве Ведомства нечетким видеозаписям, отснятым в Зоне сталкерами-видеолюбителями. Однако майор и представить себе не мог, насколько в действительности проворны эти уродливые носители рваных противогазов. Не успел он подобрать лежащую рядом винтовку, как снарк одним прыжком наполовину сократил разделявшее их расстояние, а вторым сиганул на капот трактора. Ржавые ресоры натужно скрипнули, а капотная крышка с грохотом промялась, отчего Кальтеру на миг почудилось, что старенькая «Беларусь» вот-вот завалится набок. Но, к счастью, трактор устоял, лишь получил от прыгуна лишнюю парочку вмятин.

Несмотря на худосочный вид снарка, весу в нем было не меньше центнера, а злобы – наверное, будто у целой стаи псевдособак. Майор схватил винтовку, однако хитрый монстр не зря запрыгнул на трактор. Снарк явно предвидел, что в него будут стрелять – тоже, видать, имел кое-какой боевой опыт, – поэтому, перед тем как набрасываться на жертву, выбрал себе идеальный плацдарм для атаки. Поразить сидящее на тракторе чудовище из-под днища Кальтер не мог, и ему, по-любому, пришлось бы высовываться. Вот только с какой стороны безопаснее это сделать?

Отстреливаться на все четыре стороны интродер в принципе сумел бы, но только не от такого молниеносного противника. Менять стрелковую позицию, лежа в замкнутом пространстве, было крайне трудно, и майор, переключив предохранитель «ВМК» на огонь очередями, решил сыграть с врагом на опережение. Выкатившись наружу в межосевой просвет, Кальтер вскинул винтовку, собираясь всадить в рассеявшегося на капоте снарка дюжину пуль. Но, как выяснилось, тот уже покинул свою позицию и соскочил с «Беларуси» на землю. А пока интродер целился в дождливое небо, мутант успел за секунду поднырнуть под трактор, схватил

Кальтера за шкурку и рывком втащил его обратно – туда, где человек был стеснен в движениях. Вдобавок «ВМК» зацепилась ремнем за тракторную подножку и вырвалась из рук майора, едва не переломав ему пальцы.

Кальтер не стал пытаться заполучить обратно утраченное оружие. Волочимый snorkом, будто мешок с картошкой, майор выхватил из ножен, носимых им на левом предплечье, легкий обоюдоострый кинжал. И когда тварь выволокла жертву из-под днища с противоположной стороны, интродер извернулся и по самую рукоять вонзил клинок противнику в бедро. А затем с силой распластал ляжку мутанта так, словно взрезал огромный кабачок.

Густая и вонючая, перемешанная с гноем кровь обагрила Кальтеру руки, однако snorkу все было нипочем. «И впрямь не чувствует боли», – бегло отметил про себя интродер, после чего нанес мутанту еще несколько глубоких ран в промежности и нижней части живота. И опять без толку. Человек от таких ранений окочурился бы за считанные секунды. Но snorkу смерть от обескровливания, похоже, не грозила, ибо жизнь в нем поддерживалась за счет неведомых науке потусторонних сил.

Возможно, изловчись Кальтер и подрежь монстру сухожилия, тот оказался бы в конечном итоге обездвижен. Но интродеру никак не удавалось попасть кинжалом по мельтешущим лодыжкам адского прыгуна. Ухватиться за них тоже не получалось: покрытые липкой сукровицей, они постоянно выскользали у майора из рук. И тогда он вцепился в то, во что смог, – болтающийся у него перед лицом гофрированный противогазный шланг. Тот самый хобот, который видят у snorkа многие чересчур впечатлительные сталкеры...

Интродер не стал перекрывать мутанту кислород, поскольку сомневался, что тварь вообще дышит воздухом. Вместо этого Кальтер рванул что есть мочи за шланг и сорвал противогаз с морды человекообразного чудовища. Щелкнула гнилая резина, и маска, лопнув наполам, превратилась в бесполезные ошметки. Майор сделал это совершенно не задумываясь – просто вошел в раж или подсознательно припомнил возникшее у него еще на инструктаже желание выяснить, что же именно скрывают под масками «стеснительные» snorkи. Но как бы то ни было, эта контратака интродера оказалась куда более эффективной, нежели бестолковое свежевание ножом плоти мутанта.

Как и большинство хищников, snork предпочитал охотиться, не издавая ни звука. Но когда брыкающаяся жертва заставила его взглянуть на мир не через стекла противогаза, а напрямую, тварь взревела так, что в сравнении с ее ревом рыканье тигра звучало бы попросту жалко. Как выяснилось, враг был совершенно не готов биться «с открытым забралом». Snork отшвырнул майора в сторону и закрыл лицо испещренными язвами, но вполне человеческими ладонями. С трудом верилось, но snork и впрямь «комплексовал» насчет своей внешности, ведь не бледный же дневной свет, в конце концов, его ослепил? Тем более что сегодняшняя дождливая погода этому отнюдь не способствовала.

Рева во все горло и продолжая прятать от жертвы уродливую физиономию, snork стал быстро пятиться в ту сторону, откуда пришел. Однако Кальтер не намеревался отпускать мутанта, а особенно теперь, когда отвоевал у него преимущество. Не потому, что майор остервенел и жаждал любой ценой убить врага. Пощадить snorkа было бы стратегической ошибкой, допускать которую интродер был не вправе. Кто знает, что взбредет в голову разумной твари после того, как snork убежит и отыщет себе новый противогаз. А вдруг мутант вознамерится выследить обидчика и поквитаться с ним за понесенное унижение, когда Кальтер успеет об этом благополучно забыть? Нет, он не допустит, чтобы у него над головой маячил такой дамочков меч. У майора хватает иных забот, и лишняя угроза в лице мстительного монстра ему и подавно не нужна.

Вскочив на ноги, Кальтер прыжком настиг snorkа, ухватил того за облезлую шевелюру и мощным ударом рассек согбенному чудовищу горло до самого позвоночника. После чего обхватил вражью голову руками и ломанул ее вбок с такой силой, что шейные хрящи мутанта

не выдержали и лопнули. Не разжимая хватки, интродер бросился наземь и, увлекая за собой противника, совершил классический борцовский переворот. От усиленного падением рывка и без того почти отчлененная голова снарка оторвалась окончательно. Поэтому, когда Кальтер завершил прием, тело агонизирующего монстра осталось лежать справа от майора, а отброшенная в сторону голова – слева.

Что ни говори, а давненько Кальтер не видел, как от волнения у него трясутся руки. В который раз за утро Зона продемонстрировала, насколько майор ее недооценивал. Думал, что заграничные командировки – вот настоящая работа для «мизантропа», – а здесь, практически в родных пенатах, все пройдет без проблем, в стиле «пришел – увидел – победил»? Как бы не так! Если даже Кордон чуть было не прикончил опытного интродера, что же будет дальше, когда он углубится в настоящие дебри? А ведь Кальтеру предстояло не только в предельно короткий срок адаптироваться к местным реалиям, но еще и выполнить порученное Ведомством задание. Нет, на сей раз Стратег определенно просчитался, и эта командировка окажется гораздо сложнее, чем заверяли башковитые ведомственные аналитики.

Но не время сокрушаться по этому поводу. Пора уматывать с поля скоротечного боя, пока засевшие в будке сталкеры не сообразили, что к чему. Кальтер подобрал винтовку и пополз прочь от этого места, пользуясь протоптанной снарком тропинкой, дабы шевеление травы не выдало крадущегося интродера. А дующий ему в затылок *чужой* ветер, казалось, издевательски смеялся над ним и, волоча по небу низкие свинцовые тучи, намекал Кальтеру, что он имеет все шансы больше никогда не полюбоваться солнцем...

– Ты видел?! Нет, скажи, ты это видел?! – заладил перевозбужденный Санек Брынза, тыча стволом пистолета туда, где только что происходила не то драка, не то еще какая аномальная хренотень. Кто и почему устроил возню в зарослях сухой травы за остановочной будкой, сталкеры толком разглядеть не успели. Они выбежали на обочину с оружием на изготовку уже тогда, когда разыгравшиеся в кювете страсти сошли на нет.

– Видел, видел! – огрызнулся Колян Патлатый, целясь из ПМ туда же, куда показывал товарищ. – И хорош орать, а то сейчас все псевдотвари сюда сбегутся! – После чего обратился к третьему, самому старшему участнику их новорожденного сталкерского альянса: – Кеша, а ты что-нибудь засек?

– Не-а, – лаконично процедил Кеша по прозвищу Лесовоз. Потом, приглядевшись, добавил: – Зато все слышал. Кажись, собаки возле трактора кого-то покоцали. Но точно не сталкера. Слыхали, как эта тварь редела?

– Пойдем, глянем? – неуверенно предложил Патлатый.

– Да ну, рехнулся, что ли! – Брынза воспринял инициативу напарника в штыки. – А вдруг эти мутанты все еще там, в траве, прячутся? Только нас и ждут! И вообще, зря мы от патруля отстали. Я сразу сказал, что лучше до блокпоста с вояками дотопать!

– Какого хрена ты тогда вообще в Зону приперся, если стремишься всякого шороха? – презрительно бросил ему Лесовоз. Потом махнул рукой в сторону «Беларуси»: – Айда, Колян, заценим обстановку. Слышал, что сержант говорил? Живет где-то у Янтарного Озера один ученый кекс, который скупает собачьи хвосты, кабаньи копыта и глаза псевдоплоти по цене хороших артефактов. Пойдем посмотрим, может, там для него и впрямь что-нибудь завалилось. Только по сторонам посматривать не забывай, лады?

Держа пистолеты наготове, Колян и Кеша начали неторопливо спускаться в кювет. Санек боязливо потоптался на месте, но предпочел все же присоединиться к товарищам. Стараясь ступать тихо, сталкерская троица добрела до трактора и принялась с опаской озираться по сторонам. Быстро обнаружив примятую траву и валявшееся на ней обезглавленное тело, охотники за хвостами и копытами тут же окружили останки, все еще продолжая целиться в них. Ну а как иначе? Если верить местным байкам, в Зоне оживший мертвец – не редкость. Поэтому где гарантии, что этот жмурик не вскочит и не нападет на доверчивых сталкеров?

– Мать божья, а кровищи, кровищи-то сколько! – брезгливо поморщился Брынза, вытирая о траву испачканный в крови монстра ботинок. – А мы, дураки, прозевали такую драку!

– Мужики, да ведь это же снарк! – присвистнул от удивления Лесовоз. – Зуб даю, что он! Все сходится: вон башка валяется, а вон – противогаз рваный!

– Ни хрена себе! – крикнул Патлатый, тоже опознавший по характерным приметам одного из самых одиозных мутантов Зоны. – А еще говорят, будто на Кордоне снарки не водятся! Выходит, вранье это все?

– Выходит, вранье, – подытожил Кеша, оглядываясь и проверяя, не затаилась ли поблизости еще одна такая тварюга. – Меня больше волнует другое: что за чудовище порвало нашего снарка вместе с противогазом и куда эта паскудина потом смылась.

– Кровосос? – неуверенно предположил Колян.

Лесовоз помотал головой: дескать, сомнительно – здесь определенно побывал некто более крупный и зубастый.

Иных версий больше никто не предложил. Компания погрузилась в гнетущее молчание; были слышны только шелест ветра в пожухлой траве, лай своры собак за перелеском, потрескивание неподалеку электрической аномалии да стук дождевых капель по ржавой кабине «Беларуси».

– Мужики, а это... – первым нарушил тишину трусоватый Брынза. – Ну, короче... я хотел спросить: кто-нибудь знает, что надо от снарка на продажу отрезать? У него же это... ни хвоста, ни рогов, ни копыт... Да и глаз, кажется, тоже нет.

– Что обычно от снарка такие олухи, как ты, отрезают, и куда потом это добро запихи-вают, я тебе, Брынза, попозже наедине шепну, – криво усмехнулся Кеша. – Хотя к тому времени ты и сам об этом догадаешься... А пока я вам, мужики, вот что скажу: не теми пушками мы с вами затоварились. Надо срочно искать себе что-нибудь помощнее этих дешевых пугачей. Гораздо мощнее...

Глава 2

Всяк, кто был хорошо знаком с Сидоровичем, прижимистым торговцем с южного Кордона, знал, что, хоть старик и спекулирует водкой, сам он к бутылке прикладывается редко. Зато если приложился, значит, от всей души и до «мальчиков кровавых в глазах», как охарактеризовал однажды состояние пьяного Сидоровича ныне покойный сталкер Борька Годун. И как только из погребообразного бункера, в котором практически безвылазно обитал кордонный торгаш, начинали доноситься «Дывлюсь я на нэбо» или «Черный ворон», что были слышны, пожалуй, даже на ближайшем армейском блокпосту, сталкеры в поселке начинали морщиться и материться сквозь зубы. «Трындец, братва, лавочка закрывается, – говорили они при этом. – Старый хрыч сегодня разговелся. Поэтому, кто не успел сдать хабар или затариться патронами, тот опоздал. И торчать здесь вам, неудачникам, теперь пару дней, пока Сидорович не проспится и вновь не станет адекватно воспринимать реальность».

Сталкеры ворчали, однако не обижались: ну отметил человек какой-то праздник, перебрал, с кем не бывает... Самые нетерпеливые отправлялись дальше, сбывать хабар мелким перекупщикам, а остальные охотники за артефактами горестно вздыхали и оставались дожидаться открытия лавочки, рассаживались вокруг костров, чтобы послушать сталкерские байки да вывести из организма излишек радиации. В смысле заняться на досуге тем же, чем занимался у себя в бункере Сидорович, – приговорить бутылочку-другую популярной в Зоне водки «Казак». Она была намного дешевле противорадиационного антидота, а помогала, по слухам, ничуть не хуже. Разве что обладала побочным эффектом жестокого похмелья, но ведь опять же неизвестно, как сказывается на организме прием всей этой заграничной химии. Вот почему многие сталкеры предпочитали гробить себе печень старыми проверенными средствами, нежели «подсаживаться» на фармацевтические препараты, что стоили дорого, а блевать от них тянуло так же, как и с перепоя. А коли нет разницы, зачем переплачивать?..

Сталкеры Волк, Шустрый и несколько их товарищей, коим Сидорович «отстегивал» за охрану своего популярного торгово-обменного пункта, по личному опыту знали: когда торгаш запирается у себя в погребе и пьянствует, его лучше не беспокоить. Все равно не откроет, а если и откроет, ничего путного из этого не выйдет. Мало того, с залитыми шарами может еще и из обрез пальнуть – прецедент имелся. Правда, стрелок из пьяного Сидоровича аховый – это ж надо умудриться промазать, даже стреляя картечью практически в упор! – и никто тогда не погиб, но зачем лишний раз искушать судьбу, когда ты и без того искушаешь ее в Зоне на каждом шагу? В общем, сталкерская братия относилась к редким загулам старика толерантно, благо его пьянство дольше трех дней обычно и не продолжалось.

Вот и вчера, когда над южным Кордоном вновь раздалось хриплое фальшивое пение Сидоровича, Шустрый – именно он караулил барыгу на этой неделе, дав Волку возможность отлучиться на поиск артефактов, – решил воспользоваться моментом и заняться более приятной работенкой. Пока хозяин забаррикадировался в бункере и празднует, ему вполне достаточно и одного охранника. А Шустрому и прочим было бы нелишне пробежаться по округе и посмотреть, остались ли еще артефакты или их подчистую выбрали заходящие сталкеры и ошивающиеся на Кордоне бандиты. Вернее, это они считали себя бандитами, в то время как Шустрый называл их менее авторитетными эпитетами: распальцованная шелупонь, соплежуи либо и вовсе лаконично – мразь.

Настоящими бандитами были те, кто присылал сюда на разбой этих малолеток, в чьих безмозглых головах гулял ветер тюремной романтики, а лексикон состоял из дворового жаргона, в котором истинной блатной «фени» было ровно столько же, сколько и в современном приклатненном шансоне. Даже не кот наплакал, а так – мышшь прослезилась. «Пацаны-ы-ы, я маслину схвати-и-и-ил! Дыранули меня, пацаны-ы-ы!» – корчась от боли, верещал под кустом

какой-нибудь малахольный беспредельщик, получив в задницу сталкерскую пулю. И повезло ему, если «пацаны» действительно приходили на помощь подстреленному корешу, успевая спасти его от разъяренных сталкеров. Если же первыми до него добирались Шустрый и его товарищи, бедолагу непременно шпиговали еще одной «маслиной» – в лоб, дабы не мучился. Таково оно, хваленое сталкерское милосердие к тем, кто открыто пренебрегает здешними законами. Эту Зону топчут иными ботинками, и не всякому они оказываются по размеру...

Однако едва спозаранку Шустрый намылился на промысел, как двери бункера Сидоровича с грохотом распахнулись, и все планы сталкера пошли прахом. Несмотря на вчерашнюю пьянку, хозяин открыл-таки лавочку и вроде бы намеревался работать по обычному расписанию, а значит, оставлять подопечного без охраны было недопустимо. Невероятно, но факт – Сидорович собирался вести бизнес, находясь в изрядном похмелье! Что за причина заставила торговца поступиться принципами, Шустрый не ведал, но, надо полагать, она была достаточно веская.

«Что ж, Волк, удачной тебе охоты, – подумал сталкер, мысленно напутствуя ушедшего в глубь Зоны напарника. – Надеюсь, ты притащишь уйму артефактов и завтра мне не придется переживать об этой обломившейся вылазке. Проклятый Сидорович! И какого хрена тебе сегодня не спится, Шалыпин недоделанный?»

Загадка эта настолько сильно свербела у Шустрого в голове, что он не выдержал и спустился к торговцу в его подземное обиталище. Хмурый и невыспавшийся Сидорович сидел на стуле перед зажатой в слесарные тиски разобранной автоматической винтовкой «Энфилд» и ковырялся отверткой в ее спусковом механизме. Старик возился с купленным им за бесценок у какого-то проходимца неисправным оружием уже третью неделю, пытаясь собственноручно довести винтовку до ума, чтобы спихнуть ее по тройной цене кому-нибудь из «зеленых» сталкеров. Только-только пересекший периметр молодняк был падок на подобные «крутые пушки» и еще не знал, что в Баре «Сто рентген» тот же новый, промасленный «Энфилд» можно купить гораздо дешевле (впрочем, дотуда еще следовало добраться, что удавалось далеко не каждому новоиспеченному сталкеру). Чем Сидорович и пользовался, сбавляя втридорога закордонным олухам всякий хлам, попадающий время от времени в загребущие руки барыги.

– Жду покупателя на это барахло, – раскрыл он любопытному Шустрому причину своего неожиданного бодрствования. После чего жадно отхлебнул из стоящей рядом, на верстаке, трехлитровой банки с огуречным рассолом. – Не сегодня завтра клиент должен пожаловать, а товар не готов. Хорошие бабки наклеиваются, вот и надо ствол малость подшаманить. Этот денежный хмырь наверняка вздумает сначала его проверить и на окрестных слепых псов поохотиться, а пушка, не дай бог, возьми и заклинь! Мало того, что сделка медным тазом накроется, так еще и позору не оберешься.

– Что за хмырь? – осведомился Шустрый. – Чьих он будет?

– Ничьих, – огрызнулся Сидорович, недовольный и своей головной болью, и тем, что его отвлекают от работы. – Обычный одиночка, который дальше Свалки еще не забредал. Полмесяца в Зоне, но парень пронырливый и успел уже где-то парочку дорогих артефактов надыбать типа «Золотых рыбок» и «Маминых бус»... А их и многие матерые сталкеры в глаза не видели. Говорит, будто в развалинах одной фермы нашел. Но, сдается мне, врет – скорее всего, труп какого-нибудь бедолаги обобрал, который на кровососов напоролся. Помнится, тебе однажды тоже так подфартило... В смысле – хабар найти, а не с монстрами поцапаться.

– Да, было дело, – признался Шустрый. – Смачный хабар тот бродяга тащил, царство ему небесное. Если бы в аномалию не влетел, загорал бы сегодня где-нибудь на югах... Ладно, старик, как только этот богатенький буратино явится в поселок, мы тебе сразу свистнем. Я пока здесь Леху Шпалу оставляю, а после обеда сам приду подежурю. Только ты это, Шпале стакан на опохмел плесни, а то его после вчерашнего тоже слегка колбасит.

– Лады, плесну, – кивнул Сидорович, желая поскорее избавиться от утреннего визитера – человека хоть и полезного, но в данный момент не слишком желанного. – Но не больше стакана, учти! Так что пусть твоя Шпала даже не думает у меня водяру кланчить. Сам понимаешь, мне в дупель пьяная охрана даром не нужна...

Явившийся вслед за Шустрым долговязый прыщавый сталкер Леха («А ведь совсем еще хлопец», – покачав головой, проходя отметил про себя Сидорович) залпом осушил стакан водки, крикнул, передернул плечами и, бросив хозяину «Ежели что, я – снаружи», оставил наконец страдающего мигренью старика в одиночестве.

Он же, в отличие от любителей вышибать клин клином, привык лечить себя с перепоя исключительно огуречным рассолом. Для чего и держал в запасе несколько банок консервированных огурцов так называемой «домашней закрутки». Глотнув в очередной раз кисло-солевой амброзии, торговец отложил отвертку и вернулся к стойке, после чего уселся за нее и, скрестив руки на груди, откинулся на спинку кресла. Задумчивый взгляд Сидоровича уперся в пустую жестяную банку из-под энергетического напитка, оставленную вчера кем-то из посетителей. Ее давно следовало бы выбросить в мусорную корзину, но хозяин был настолько погружен в мрачные раздумья, что совершенно не обращал внимания на захламлявший прилавок мусор. Наоборот, сейчас эта мятая банка с синей этикеткой являлась для Сидоровича чем-то вроде той пресловутой точки сосредоточения, на которую, согласно легенде, кто-то из восточных мудрецов якобы аж несколько лет неотрывно пялился в поисках духовного просветления.

Нет, Сидорович вовсе не стремился постигнуть таким образом смысл бытия. Все, что было необходимо старику, это ненадолго абстрагироваться от реальности и спокойно пораскинуть мозгами над тем, что творилось в Зоне последние три недели. И пусть торговец и так ежедневно, да что там – чуть ли не ежечасно, – размышлял над этим, никаких обнадеживающих мыслей ему на ум не приходило. Даже мало-мальски обнадеживающих. А те, что посещали старика, были сплошь мрачными и безысходными.

Сидорович сомневался, что в своем теперешнем разбитом состоянии он вообще сумеет додуматься до светлых идей. Хватило бы сил просто запустить мысленный процесс, не говоря уже о каком-либо озарении. Но копаться в оружейных деталях хозяину хотелось еще меньше, тем паче что в действительности никакого покупателя на «Энфилд» не наклевывалось. Хотя важного гостя Сидорович все-таки ожидал. Поэтому и сочинил сказку о намечающейся сделке, поскольку не имел права сообщать сталкерам о том, что за человек должен появиться в поселке.

Треклятое Ведомство! Столько лет не вспоминало о своем внештатном осведомителе, а потом вдруг спохватилось! И без труда разыскало его даже здесь – в заброшенном поселке, наглухо отрезанном от мира двойным охранным периметром Зоны! По сути, в другой, параллельной реальности, что образовалась более четверти века назад на зараженной территории вокруг Чернобыльской АЭС и продолжала расти и мутировать, словно раковая язва на теле нашей планеты. Уроженец этих земель Сидорович прожил тут всю жизнь и еще отлично помнил свою малую родину такой, какой она была прежде, – утопающей в садах, солнечной и цветущей. Последние десятилетия изуродовали Припять и окрестности так, как это не смогла сделать даже Вторая мировая. А когда похороненный под бетонным Саркофагом Четвертый реактор ЧАЭС вновь дал о себе знать, жизнь в этих местах стала и вовсе сущим адом. Но Сидоровича и это не испугало. Он не покинул родину в восемьдесят шестом, не покинул и нынче, будучи абсолютно уверенным, что теперь-то весь остальной белый свет про него точно забудет.

Свет, может, и забыл – добровольный отшельник Зоны Сидорович этого не знал, поскольку давно утратил связь со всеми родственниками. Но Ведомство, как выяснилось, должно было помнить о своем законсервированном агенте, завербованном незадолго до первой чернобыльской катастрофы и продолжающем снабжать своих кураторов информацией. После второго взрыва связь Сидоровича с Ведомством прервалась, но спустя несколько лет оно вновь прислало ему весточку, приказав добывать те или иные интересующие кураторов сведения. С

момента возобновления сотрудничества нынешнее порученное агенту задание являлось, пожалуй, самым сложным. Но он справился и теперь вновь поджидал гостей, обязанных со дня на день пожаловать к нему с Большой Земли.

Сидорович полагал, что ему известна истинная причина, которая привела кураторов в нешуточное волнение. Вычислить ее было не так уж сложно. Переполох в высших эшелонах власти был вызван теми же проблемами, что тревожили и старика-торговца. На первый взгляд данное ему указание выглядело вполне обычным для Ведомства поручением. Однако Сидорович был совершенно уверен, что оно беспокоится не столько по поводу грядущих событий, намечающихся на территории НИИ «Агропром», сколько насчет того, что этим событиям предшествовало.

А конкретно – это касалось недавнего шквала аномальных выбросов Четвертого энергоблока вкупе с массовой бойней, что перед этим разыгралась у стен ЧАЭС. А также появления над Рыжим Лесом Небесного Паука – именно так окрестили сталкеры невесть откуда взявшуюся там титаническую четвероногую конструкцию. Не исключено, что она имела даже внеземное происхождение. Выяснить это окончательно мешала одна-единственная загвоздка: конструкция являла собой не что иное, как мощную высокотехнологичную цитадель, оснащенную такой агрессивной системой защиты, что приблизиться к ней не могли ни люди, ни вертолеты, ни беспилотные зонды. Небесный Паук уничтожал на подступах к себе все живое и технику от научно-исследовательских радиоуправляемых роботов до боевых ракет, коими военные однажды попытались обстрелять недружелюбного гостя. Не принесли никакого успеха удары по нему из пушек Гаусса и облучение электромагнитными импульсами. Оставалось только испробовать на цитадели ядерное оружие, но она пока не давала военным повода учинить над многострадальным Чернобылем очередной Армагеддон.

До Сидоровича доходили слухи, что исследователям Зоны посчастливилось сделать фотографии загадочного объекта – как обычные, так и спутниковые, – но самих снимков торговцу пока никто не показывал. Впрочем, он надеялся, что кто-нибудь из сталкеров-фотоохотников все же пришлет ему по сети на ПДА пару-тройку любопытных кадров. Многие скитальцы, с кем торговец поддерживал хорошие отношения, таскали при себе цифровые камеры, но почему-то до сих пор ни один из них не удосужился переслать Сидоровичу фотографии Небесного Паука. Либо элементарно забыли, либо ждали, когда кордонный барыга сам обратится к фотографам с деловым предложением и конкретной ценой за информационный товар.

«Болваны! – негодовал Сидорович. – Как будто не знают, что едва снимки Паука попадут в Интернет, как они вмиг обесценятся! Так ловили бы момент, олухи, пока я еще могу выложить за них сотню-полторы евро!» То, что мир еще не увидел такие сенсационные кадры, торговец был уверен, поскольку каждый божий день изучал приходящие из-за Кордона в сталкерскую сеть новостные сводки.

Эх, жаль, что при Меченом не оказалось никакой, пусть даже захудалой, фотокамеры! Вот чьи снимки Сидорович мог бы продать каждый по цене хорошего артефакта! Но увы... Хотелось бы торговцу знать, куда подевался этот отчаянный сорвиголова после того, как отключил в Рыжем Лесу психотропный генератор – тот самый «Выжигатель мозгов» – и, открыв таким образом путь в сердце Зоны, рванул вслед за прочими сталкерами через Припять на ЧАЭС, искать легендарный «Монолит» и разгадку своего таинственного прошлого.

Словами не описать, что творилось в окрестностях станции три недели назад. Настоящая гражданская война, иначе не скажешь. В ней схлестнулись сталкерские кланы «Долг» и «Свобода», команды сталкеров-одиночек, наемники, бандиты, а также подразделения военного спецназа при поддержке вертолетов и бронетехники... Все они ринулись на штурм Четвертого реактора, оберегаемого безумными сектантами «Монолита», по пути уничтожая не только их, но и конкурентов. Каждый из сталкеров, кому Меченый открыл дорогу на При-

пять, стремился любой ценой дорваться первым до самого могущественного артефакта Зоны – легендарного «Исполнителя Желаний» – и завладеть им.

Но при виде разразившейся окрест ЧАЭС кровавой бойни многие, в том числе даже бывалые сталкеры, дрогнули и отступили. От них Сидорович и выведал вскоре подробности того, что творилось в Чернобыле до тех пор, пока штурмующие не прорвали оборону сектантов и не проникли внутрь АЭС. Что творилось за ее стенами, знали лишь те сталкеры, которым удалось оказаться непосредственно в самой станции. Однако, если кто-то из них и вернулся затем назад, к товарищам, в Зоне о таких «возвращениях» пока не слыхивали. Равно как и о бесследно сгинувшем Меченом.

Зато было доподлинно известно другое. Всех штурмующих, кто не успел проникнуть на станцию либо удрать и найти безопасное укрытие за ее пределами, накрыла череда мощных аномальных выбросов. Вечно хмурое небо Зоны весь день полыхало огнем, воздух содрогался от жутких звуков, а земля ходила ходуном, как при хорошем землетрясении. Буйство стихии докатилось и до Кордона, и Сидорович, переживающий у себя в бункере чересчур затянувшийся катаклизм, поневоле вспомнил слова бабушкиной молитвы. Трясаясь, словно осиновый лист, старик истово взывал к Богу, умоляя его не доводить дело до Апокалипсиса и обещая при первой же возможности пойти в церковь и покаяться в грехах. Сталкеры Волка и Шустрого – точнее, те из них, кто предпочел не соваться в пекло и остался в поселке со своими вожаками, – тоже таились по погребам, обреченно дожидаясь, когда же закончится эта дьявольская вакханалия.

Неведомо, дошли ли мольбы Сидоровича до божьих ушей, но спустя сутки катаклизм все-таки стих. И когда старик со своей охраной отважился высунуться из укрытия, пред ними предстала все та же Зона, какой они знали ее вот уже многие годы. В окрестностях поселка появились новые артефакты и аномалии, вечно голодные мутанты гоняли друг друга по полям и перелескам, а неутихающий ветер гнал по небу привычные тяжелые тучи. Казалось, будто все осталось по-прежнему. Разве что полуразрушенный железнодорожный мост, неподалеку от которого раньше стоял армейский блокпост, рухнул окончательно, а солдат и след простыл – вероятно, всех их перебросили на горячие участки сошедшей с ума Зоны.

Вдобавок отсутствовала связь, но вскоре она была восстановлена. После чего к Сидоровичу начали поступать первые новости с севера. Поначалу сведения шли отрывочные и невразумительные. Но когда дал о себе знать чудом выживший приятель Волка (большую часть штурма он прятался за грудой бетонных блоков, а как только над ЧАЭС завыла предупреждающая о выбросе сирена, сталкер моментально пустился наутек и пересидел катаклизм под трибунами стадиона «Авангард»), обитатели кордонного поселка сумели наконец составить более или менее четкую картину разразившихся в Чернобыле событий.

Штурм полностью захлебнулся, это было очевидно. Более того, похоже, многие из атаковавших Четвертый энергоблок сталкеров переметнулись к сектантам, ибо как еще объяснить их не только восстановившиеся, но и изрядно возросшие силы? Разросшаяся, как никогда, секта в считанные дни отвоевала обратно район ЧАЭС, Припять и Рыжий Лес, а также бывшую базу «Свободы» – Военные Склады и прилегающие к ним территории. Отныне в распоряжении «Монолита» имелась не только парочка трофейных БТРов и танк, но и вертолет, чьи пилоты также решили перейти на сторону не стесненных в средствах сектантов. Потрепанная и донельзя измельчавшая «Свобода» ютилась теперь в Темной Долине, в подземельях лаборатории «Х-18». При необходимости сектанты быстро вышибли бы оттуда анархистов, но сегодня они не представляли для монолитовцев серьезной угрозы.

Прочим соискателям «короля артефактов» повезло чуть больше. Ядро самого дисциплинированного из всех кланов – «Долга» – во главе с отставным генералом Ворониным по-прежнему контролировало Бар «Сто Рентген» и его окрестности. Генерал не участвовал в штурме Саркофага и сумел отговорить от этого большинство своих подчиненных, но полностью избе-

жать раскола клану все равно не удалось. С разгромом «Свободы» должовцы стали второй по могуществу организованной силой в Зоне и, как следствие этого, – первыми врагами для окрепшего «Монолита». Впрочем, сомнительно, чтобы он собирался атаковать Бар в ближайшее время. Генерал Воронин – опытный боевой офицер и бывший военачальник – превратил базу «Долга» в настоящую крепость. Выбить его оттуда ценой малой крови монолитовцам вряд ли удалось бы.

Понеся у Саркофага значительные потери, военные ретировались на свои прежние позиции – к периметру – и возобновили тактику боевого патрулирования посредством вертолетов и моторизованных взводов армейских сталкеров. Вооруженные до зубов и облаченные в бронированные скафандры, спецназовцы, как и прежде, устраивали локальные карательные рейды, очищая приграничные районы Зоны от монстров и бандитов.

Собственно говоря, этот фактор и вызывал у торговца недоумение. Он был уверен, что в ответ на разгромное поражение у ЧАЭС вояки стянут туда мощную ударную группировку и разнесут обнаглевший «Монолит» в пух и прах. А вместе с ним, под горячую руку, и другие здешние бандформирования. Но военные отреагировали на полученную ими пощечину совершенно неожиданным для Сидоровича образом. Или, если быть точным, вообще не отреагировали, сделав вид, словно никакого штурма и не происходило.

Торговец давал такому поведению армейцев единственно разумное объяснение. Поняв, что сектанты не намерены прорываться к Кордону, а Небесный Паук торчит над лесом и не предпринимает никаких активных действий, армия решила не торопиться и продумать удар возмездия как можно более тщательно. Наверняка через месяц-другой в центре Зоны вспыхнут новые кровопролитные бои. Но пока она жила в привычном для Сидоровича ритме, давая старику возможность вести свой немудреный, но прибыльный бизнес...

Погруженный в невеселые мысли, Сидорович поморщился и помассировал виски. Чертов Небесный Паук! Как будто без него в Зоне мало проблем! Что за хренотень нарисовалась после той приснопамятной череды выбросов над Рыжим Лесом – территорией, контролируемой «Монолитом»? Еще неделю назад торговец считал, что странная четвероногая цитадель возникла здесь по вине сектантов, построивших ее при помощи «Исполнителя Желаний» взамен уничтоженного Меченым психотропного генератора. Но информация, которую старик раскопал для Ведомства, полностью опровергала это умозаключение.

После того как военные прекратили попытки уничтожить Паука, – судя по всему, получив сверху конкретный приказ отставить огонь, – за его разрушение решили взяться сами монолитовцы. Причем взяться более основательно, чем вандалы в погонах, ибо вояки так и не решились стрелять по цели столь ультрасовременным оружием, как «Пурга-Д». А «Монолиту» хватило на это не только духу, но и денег. Правда, этого противозенитного ракетного комплекса у сектантов пока не было, зато вертолет для его переноски уже имелся и находился под усиленной охраной в одном из ангаров на территории ЧАЭС. И если монолитовцам удастся оснастить свою единственную винтокрылую машину «Пургой», их шансы уничтожить Небесного Паука значительно возрастали. Какой бы прочной ни являлась его броня, количество установленных на нем орудий косвенно доказывало, что пробить его защиту вполне реально. «Монолиту» следовало лишь дожидаться, когда поставщик переправит в Зону необходимое секте вооружение...

Все, баста! Достаточно на сегодня аналитических изысканий! Уж лучше без суеты и спешки составить для курьера список необходимых товаров – куда более полезное занятие, чем глубокие раздумья на похмельную голову!

Желая поскорее избавиться от терзающих его сомнений, Сидорович решительно помогал головой. После чего тут же пожалел об этом, поскольку головная боль моментально запульсировала с удвоенной силой, а к горлу подкатила предательская тошнота. Что ж, самое время хлебнуть рассольчику...

Поискав глазами животворную банку, Сидорович с досадой обнаружил, что забыл ее на верстаке возле подготавливаемой к продаже винтовки. Грузному старику страсть как не хотелось подниматься из кресла, поэтому он решил дотянуться до заветной емкости, не отрывая задницу от сиденья. Сначала Сидоровичу показалось, что все его потуги тщетны: он морщился, сопел и кряхтел, но так и не мог ухватиться пальцами за баночное горло. Однако стоило ему лишь пойти на небольшой риск и слегка отклониться назад (кресло под ерзающим стариком скрипело и готово было вот-вот рассыпаться), как удача сразу улыбнулась торговцу, и он без проблем снял с верстака уже наполовину опорожненную посудину.

– Куда ж ты от меня денешься! – победоносно хохотнул Сидорович, вновь усаживаясь поудобнее и наблюдая, как перекачивается под зеленым стеклом мутный рассол. Затем перехватил банку двумя руками, поднес ее ко рту и...

...И подпрыгнул, будто ужаленный, выронив с таким трудом добытый «артефакт». Банка упала старику на колени, щедро окатила его рассольными брызгами, а затем грохнулась об пол и, издав резкий «чпок», разбилась. Перемешанная с осколками божественная «амброзия» растеклась по потертому линолеуму большой, разящей чесноком кляксой.

– Етит твою мать!..

Сидорович затруднялся определить, чью конкретно мать он помянул: то ли фигурально выругался в адрес разбитой банки, то ли буквально – в адрес матери стоящего перед ним незнакомца. Именно он напугал старика так, как это не удалось даже ошалелой псевдособаке, что случайно заскочила в бункер торговца пару месяцев назад и затем была убита проморгавшим ее охранником.

Та псевдособака вовсе не намеревалась нападать на старика – очевидно, попросту убегала от более крупного хищника и юркнула в первое попавшееся на пути укрытие. А вот стоящий сейчас перед Сидоровичем человек мог прикончить его в мгновение ока. Незнакомцу стоило лишь выхватить нож и одним молниеносным движением перерезать торговцу горло. А потом скрыться столь же неуловимо, как этот тип сюда и проник. Уж коли ему удалось прошмыгнуть в бункер под носом у Лехи Шпалы, значит, и незаметно выбраться наружу не составит особого труда. «Господи, – испуганно подумал Сидорович, – а ведь действительно правы те, кто утверждает, будто нет в Зоне твари опаснее и злее человека! Куда уж до него в плане коварства аномалиям и мутантам, чьи повадки сталкерами в целом неплохо изучены. Лишь человек был и остается единственным непредсказуемым обитателем этих богом проклятых мест».

Сидорович даже не подумал о том, чтобы позвать охранника или схватить лежащий под прилавком обрез. Во-первых, изрядно растерялся, а во-вторых, неожиданный визитер не проявлял признаков агрессии. Это и не позволило инстинкту самосохранения хозяина возобладать над его природной сдержанностью. Торговца и посетителя разделял всего метр засаленной столешницы, и старик невольно подался назад, попытавшись отодвинуться от прилавка вместе с креслом. Раньше такое у Сидоровича вряд ли бы вышло – кресельные ножки не скользили по клеенчатому линолеуму. Однако облитый рассолом пол сразу уподобился катку, и старик, к своему облегчению, сумел отстраниться от зловещего человека на недостижимую для удара ножом дистанцию. Это придало хозяину уверенности и позволило рассмотреть незнакомца получше.

Обычные противорадиационные комбинезоны поголовно делали сталкеров похожими на угловатых широкоплечих крепышей, даже если владелец такого обмундирования был не особо дюжим малым. Про боевые экзоскелеты военных и скафандры ученых и говорить нечего – эта спецодежда и вовсе превращала своих носителей в человекообразных роботов. Разве что в легкой куртке-пыльнике, которые предпочитают носить на первых порах стесненные в деньгах новички, сталкер еще худо-бедно походил на нормального человека, а не на космонавта либо пришельца с другой планеты. Однако одежда нарисовавшегося откуда ни возмись перед Сидоровичем незнакомца была довольно уникальной и не напоминала ни одно из известных

торговцу защитных облачений. Очень редко доводилось ему встречаться со сталкерами, изготовившими себе комбинезоны по индивидуальному заказу – слишком дорого обходились они в производстве; куда дешевле было подобрать что-нибудь из уже существующих образцов. И теперь старику вновь представился случай убедиться, что да, есть в мире одержимые люди, готовые платить бешеные бабки за то, чтобы прогуляться по Зоне, будучи экипированными по последнему слову техники.

Камуфлированный комбинезон незнакомца был сделан из неизвестного Сидоровичу легкого и явно прочного материала и сидел на сухощавом, но крепко сбитом владельце как влитой. Расцветка камуфляжа была подобрана так искусно, что надумай визитер прикорнуть на корточках у стены, он легко сошел бы за груды строительного мусора. В таком комбинезоне сталкер мог без проблем затеряться в любом уголке Зоны, загроможденной останками покинувшей ее цивилизации настолько, что сегодня найти здесь незахламленную территорию было очень и очень проблематично. Все необходимое сталкерское оборудование, а также иные незнакомые торговцу компактные устройства размещались в разгрузочном жилете визитера с таким расчетом, чтобы он мог быстро дотянуться до любой из необходимых ему вещей. Его дыхательная полумаска, прикрепленная к защитному капюшону, прилегала к лицу идеально – наверняка ее тоже изготовили по индивидуальным лекалам.

И еще: комбинезон незнакомца был заляпан наскоро оттертыми пятнами крови. Неизвестно чья, но кровь казалась определенно свежей. Уж не Леха ли Шпала оставил на одежде этого типа столь красноречивый автограф? Нет, вряд ли. Крови на визитере было столько, что без яростной борьбы здесь явно не обошлось, но никакой возни и криков снаружи Сидорович не слышал. Стало быть, Шпала наверняка жив и болтается где-то возле бункера. А может, отлучился по нужде. Хотя делать уверенные прогнозы касательно Лехиной судьбы старик, конечно, не стал бы.

Сидорович не видел обуви посетителя, но исходя из того, что тот пробежал по ведущей в бункер бетонной лестнице абсолютно беззвучно (не прокрался, а иначе хозяин засек бы этого скрытного мерзавца – Сидорович отвлекся от входной двери всего-то на десять секунд), подошвы ботинок загадочного субъекта были тонкими и мягкими. Также торговец не мог видеть штурмовую винтовку, висевшую у гостя за спиной. Однако, взглянув на торчащий у него из-за плеча короткий приклад, старик не сумел даже приблизительно определить марку этой пушки. Хотя уж на что-то, а на всевозможное стрелковое оружие Сидорович в Зоне насмотрелся и мог бы сам при желании написать оружейную энциклопедию.

Нож, которого поначалу испугался хозяин, гость предпочитал носить в специальных ножнах на левом предплечье. Холодное оружие загадочного сталкера представляло собой легкий вороненый кинжал с нешироким пятнадцатисантиметровым клинком; аккурат таким, чтобы помещаться в наручном чехле и не препятствовать сгибанию руки – не чета тем грозным боевым ножам, которые обожают большинство искателей артефактов. Незнакомец явно принадлежал к тем ценителям колюще-режущего оружия, которые понимали – важен не размер ножа, а то, насколько удобно он лежит у тебя в руке и как ловко ты им пользуешься. Торговец и не подумал усомниться в умении визитера обращаться со своим кинжалом. Тот, кто способен подобраться незамеченным к жертве на расстояние удара, превосходно знает анатомию кровеносных органов и способы их быстрого поражения. Сидоровичу повезло, что этот бесшумный, как тень, сталкер явился сюда не за его головой, а иначе барыга был бы уже гарантированно мертв.

Молчаливый гость неспешно снял с лица респираторную полумаску, сложил ее пополам и закрепил в специальной плечевой лямке. При этом он опять-таки не произвел ни единого звука. Не раздалось даже шуршания одежды, которое, казалось бы, должно было отчетливо слышаться в полнейшей тишине. Но нет – незнакомец стоял в трех шагах от старика, но, закрой тот глаза, вряд ли он смог бы определить, что в бункере присутствует посторонний. Напряг-

шийся Сидорович слышал лишь свое сиплое дыхание и жужжание мечущейся под потолком надоедливой мухи. Больше – ничего. Просто мистика какая-то, честное слово...

Наконец хозяин получил возможность взглянуть в лицо посетителю. Но едва старик, прищурившись, попытался выяснить, не встречал ли он когда-нибудь этого человека, как, сам того не желая, тут же отвел взгляд. Недоумевая, почему он вдруг так поступил, Сидорович снова попробовал опознать незнакомца и снова опустил очи долу, будто пристыженный ребенок. «Да что это за чертовщина, в конце-то концов!» – хотел воскликнуть раздраженный торговец, но, разумеется, сдержался и, собрав волю в кулак, предпринял третью попытку рассмотреть ускользающий лик гостя. Ради этого хозяин даже был готов вставить в веки спички, лишь бы те в очередной раз предательски не дрогнули.

К счастью, до садомазохизма дело не дошло, и Сидорович, сосредоточившись, смог-таки побороть свою необъяснимую стеснительность. Как оказалось, ничего особенного в лице незнакомца не было. Смугловатое, но вполне ординарное славянское лицо. Разве только чересчур холодное и невыразительное, но в Зоне суровая физиономия – дело обычное. Хотя нет, что-то особенное и более того – отталкивающее во внешности посетителя все же присутствовало. Вот только что именно, старик затруднялся определить. Складывалось ощущение, будто ему элементарно претило смотреть в глаза этому сталкеру. И причина крылась вовсе не в неуверенности, которую обычно испытывают слабые люди перед сильными. Да и не родился еще на свете человек, что заставил бы вот так, запросто, стушеваться матерого барыгу Сидоровича! Он сам кого угодно вгонит в смятение своим испытывающим непреклонным взором. «Сталкер, помни! Никто не торгуется с Сидоровичем! Это бесполезно и невыгодно для дальнейшего сотрудничества!» – незыблемое правило, которое одним из первых усваивают в Зоне все новоприбывшие искатели артефактов.

Хозяин поморщился – пялиться на посетителя было сродни моральной пытке, – но глаз упорно не отводил. И вскоре понял, что в незнакомце вызывало у него странную, почти инстинктивную неприязнь. Татуировка, покрывающая лицо гостя от вершины лба до шеи! Сложный витиеватый узор, сотканный из тончайших и потому плохо заметных издалека линий. Но если хорошенько присмотреться (занятие не для слабонервных, это точно), вскоре становилось ясно, чем на самом деле объяснялась смуглость этого человека. Именно татуировка раздражала его собеседника, непроизвольно вынуждая того смотреть куда угодно, только не на объект своего раздражения.

А ведь гость явно неспроста покрыл свое лицо вычурным отталкивающим орнаментом. Незнакомец мог в открытую прикончить жертву в многолюдной толпе и потом удрать с места преступления, будучи уверенным, что свидетели не вспомнят точные приметы убийцы. Да мало ли чего еще можно натворить с подобной внешностью – все зависит лишь от воображения... Впрочем, минусов в ней тоже было предостаточно. Попробуй-ка, например, с такой физиономией закадрить на улице девушку и посмотри, что из этого выйдет. Если она снизойдет хотя бы до разговора с тобой, это уже будет невероятным достижением... Хотя у всех сталкеров имеются свои причуды и недостатки. Чего, однако, нельзя с той же уверенностью сказать о человеческих достоинствах. Ими, к сожалению, мог похвастаться отнюдь не каждый обитатель Зоны.

– Чудна Зона при тихой погоде, – заговорил наконец посетитель, проронив странную на первый взгляд фразу. Однако Сидорович не удивился такому приветствию и незамедлительно ответил:

– Не всякая птица долетит до середины Припяти. – И, выдержав паузу, полюбопытствовал: – Все в порядке?

– Все правильно, – кивнув, подтвердил визитер, после чего поздоровался уже как полагается, правда сделав это холодным дежурным тоном: – Здравствуйте, Сидорович.

– Здравствуйте, э-э-э... – Старик замешкался.

– Называйте меня «майор», – порекомендовал Кальтер. – Просто «майор».

– В таком случае здоровья желаю, товарищ майор. – Старик не стал подниматься из кресла и вытягиваться по стойке «смирно», как полагается при отдании воинской чести старшему по званию. (В далеких шестидесятих годах прошлого столетия Сидорович был демобилизован из Советской Армии в звании старшины. В этом же звании осведомитель до сих пор фигурировал в картотеках Ведомства.) На чем Кальтер, естественно, не настаивал. Никакой субординации между осведомителем и интродером не было, а приветствие торговца являлось всего-навсего обычной шуткой, призванной придать беседе неофициальный настрой. В смысле настолько неофициальный, насколько он вообще был возможен при служебных контактах подобного рода.

– И вам того же, Сидорович, – кратко отвечал Кальтер, продолжая стоять перед хозяином и не требуя для себя стула.

– Как, кстати, поживает наш общий знакомый – генерал Алтухов? – спросил торговец.

– Прошу прощения, но я не знаком с генералом Алтуховым, – ответил майор. Он не сказал прямо: «У нас не служит и никогда не служил такой генерал», поскольку это была заведомая правда, сиречь стратегическая информация, касающаяся руководящего состава Ведомства. Разглашать такие сведения интродер не собирался. Вместо этого он предпочел тоже правдивый, однако предельно обтекаемый ответ, на основе которого можно было сделать как истинные, так и ложные выводы. У всех есть свои обязательные правила: и у сталкеров, и у полевых оперативников Ведомства.

– Извините, майор, но я тоже должен был вас проверить. – Сидорович замаялся и отвел глаза. После чего сразу же почувствовал облегчение, поскольку и без того чересчур долго пялился на «неудобное» лицо интродера.

– Разумеется, – согласился Кальтер. – Однако кое-кто все же просил передать вам горячий привет. Из Припяти девяносто девятого года. Тот человек сказал, вы меня поймете.

– О, конечно-конечно! – оживился старик. – Безусловно, я вас понимаю. Припять. Зима девяносто девятого. Разве такое можно забыть? Приятно узнать, что мой друг еще жив. Как он поживает?

– Нормально. На здоровье пока не жалуется.

– Что ж, я рад это слышать. Действительно рад. Если увидите его, скажите, что я тоже передаю ему пламенный привет и снова благодарю за крайне своевременную помощь, которую он мне тогда оказал.

– Как только представится случай, непременно передам, – пообещал Кальтер. – Будьте уверены, ваш друг тоже прекрасно помнит о той тяжелой зиме и о всех ваших совместных делах.

– Что с вами стряслось? – поинтересовался Сидорович, указав на небрежно оттертые пятна крови на комбинезоне майора. Занятно: переданный торговцу привет из прошлого был предельно скуп, а на душе старика потеплело так, как она не согревалась уже очень давно. Эта нечаянная радость сумела оттеснить на задний план и похмелье, и сопутствующую ему головную боль, отчего Сидорович даже перестал сожалеть о разбитой банке с целебным рас-соллом. Какой, однако, приятный сюрприз свалился сегодня старику на голову. Пожалуй, такое надо обязательно отпраздновать. К тому же, заступив с утра на службу, торговец так и так не отгулял положенные ему «похмельные» дни, поэтому имел полное право прикрыть лавочку и продолжить пьянку.

– Угодил в небольшой инцидент возле автобусной остановки, – неохотно ответил майор. – Повезло – удачно отделался. Оказывается, в ваших краях водится гораздо больше агрессивных зверей, чем я предполагал. Некоторые из них до сих пор настолько дикие, что понятия не имеют, кто на этой планете царь природы.

– М-да, возможно, за пределами Зоны мы и впрямь еще царим над природой, – хмыкнул Сидорович. – Понятия не имею, как там обстоят дела, – я очень давно не выбирался из этих мест. Но здесь человек является всего-навсего жалким, ничтожным рабом. Зона терпит нас лишь потому, что мы пока нужны ей. Не знаю, зачем и для чего, – эта истина находится выше моего стариковского разумения. Но поверьте: как только Зона перестанет нуждаться в человеке, она вышвырнет нас отсюда, словно пакостливых щенков. Или прихлопнет, как мух!.. Получай, зараза!

Шлеп! – торговец ударил по прилавку мухобойкой и убил-таки назойливую муху, что донимала старика с самого утра. Насекомое опрометчиво село прямо перед бдительным Сидоровичем – видимо, надышалось под потолком водочных паров и ощутило непреодолимую тяжесть в крыльях. Что цокотуху в итоге и сгубило. Торговец усмехнулся: вот вам еще один наглядный пример вредоносности алкоголя, уважаемые радетели за здоровый образ жизни...

– О, простите великодушно, товарищ майор, сейчас я дам вам стул, – спохватился хозяин, поднимаясь из кресла. И виновато добавил: – Просто башка раскалывается после вчерашнего, поэтому и торможу, как «Кировец» на спуске.

– Не нужно, – отмахнулся Кальтер. – Я к вам ненадолго. Доложите, что обязаны, и я пойду. Только сначала прикажите своему парню опустить оружие.

– Какому парню? – недоуменно наморщил лоб Сидорович, но в следующую секунду ситуация прояснилась. Интродер стоял перед торговцем, полностью загораживая дверь, поэтому старик и не видел, как по лестнице медленно крадется Леха Шпала со вскинутым «калашом». Леха был молод и не слишком дисциплинирован, но кое-какой боевой опыт имел. Учув, что кто-то проник в бункер без его ведома и разговаривает с Сидоровичем, проштрафившийся и обозленный сталкер не запаниковал, а решил в свою очередь застать коварного посетителя врасплох, будь он даже закадычным другом барыги. Двигался Шпала достаточно тихо, однако не настолько беззвучно, чтобы Кальтер его не рассекретил. Интродер слышал шаги подкованных ботинок охранника еще наверху, а вскоре разглядел его отражение в стеклянной дверце настенного шкафчика, висящего за спиной торговца.

Сидорович обо всех этих в принципе элементарных шпионских трюках не догадывался. Но ничуть не удивился звериному чутью майора, потому как не сомневался: для выполнения особой задачи Ведомство прислало сюда не рядового оперативника, а того, кто не одну собаку съел на подобного рода операциях. Так что этот жуткий майор при необходимости всех псевдособак Зоны сожрет и не поморщится. Что и доказывали свежие пятна крови на его комбинезоне.

– Стоять, не двигаться! – гаркнул Леха еще до того, как Сидорович его увидел. Охранник замер в паре шагов от стоящего к нему спиной Кальтера, благоразумно предпочитая не приближаться вплотную к нахальному визитеру. – Руки на затылок! Кому говорю, ур-р-род!

– Ты автомат-то с предохранителя сними и перезаряди, – не оборачиваясь, невозмутимо порекомендовал ему Кальтер. Руки он, естественно, не поднял, поскольку прекрасно знал, что молодой сталкер просто хорохорится, отыгрываясь за нанесенную обиду. – И впредь, когда в кусты по нужде отлучаешься, не бросай оружие где попало. – Майор демонстративно уронил под ноги Шпале автоматный патрон, извлеченный интродером из патронника безнадзорного Лехино «калаша», на который Кальтер наткнулся перед входом в бункер. – Да и за объектом охранения даже со спущенными штанами все равно не мешает приглядывать.

– Че, блин?! А, с-с-сука! – Вновь пристыженный Леха, однако, последовал совету обидчика, щелкнул автоматным предохранителем и передернул затвор. – Эй, мужик, ты че, не въехал? Я про руки типа пошутил, что ли?!

– А ну угомонись, Леха! – сострожившись, приструнил хлопца Сидорович. – Все в норме, это – свой. Разве Шустрый тебе не сказал, что я жду клиента?

– Ну, сказал, и че? – огрызнулся Шпала. – Какого хрена тогда этот клиент по поселку, словно полтергейст, шарится?

– Чтобы ротозеев вроде тебя уму-разуму поучить, – ответил за майора хозяин. – Ты бы лучше, неблагодарная морда, нашему гостю спасибо за урок сказал, а не автоматом в него тыкал. Ладно, топай отсюда, не мешай – у нас тут серьезный разговор идет.

– Не за что мне, блин, его благодарить, – шмыгнув носом, проворчал Шпала и опустил оружие. – В следующий раз надумает шутки шутить, пристрелю к чертям собачьим, и весь базар! Тоже мне, учителя выискались!

И, подобрав валявшийся на полу патрон, поплелся наверх продолжать нести караульную вахту.

– Мал мала меньше, а все равно сюда прутся, – посетовал Сидорович интродеру, кивнув вслед ушедшему Шпале. – Наслушаются бредней про легкие деньги и бегут за ними в Зону, будто они здесь на деревьях растут. Этому вон сопляку мотоцикл импортный захотелось купить, аж сон, бедняга, из-за него потерял. Оно и понятно: рожей-то парень не вышел, умом – тоже, вот и хочет как-то это дело компенсировать. Жаль, одного не понимает: не на мотоцикл он здесь заработает, а на инвалидную коляску. Или на гроб цинковый. Эх, да что я вам, товарищ майор, об этом толкую! Разве сам я в Лехины годы другим был? Такой же охламон...

– Дайте воды и тряпку, – попросил Кальтер, не намереваясь поддерживать этот пустопорожний разговор «за жизнь». После чего уточнил: – Надо комбинезон почистить, а то все окрестные твари на запах крови за мной потянутся.

Торговец поставил на прилавок пластиковую «полторашку» с водой и достал из корзины чистую ветошь. Майор смочил ее и, повернувшись к свету, взялся оттирать от одежды вонючую кровь снарка. Особого труда это не требовало – комбинезон интродера был сделан из легко чистящегося материала и не впитывал в себя никакую грязь.

– Прошу вас, Сидорович, докладывайте, не ждите, – не отрываясь от работы, поторопил Кальтер примолкнувшего хозяина. – Сами понимаете, время дорого. Мне сообщили, что вам все-таки удалось собрать информацию об интересующей нас сделке. Надеюсь, эти сведения вызывают доверие?

– Безусловно, – подтвердил старик, немного обидевшись. – Разве я когда-нибудь представлял вам «липу» или непроверенные слухи?

– Нет, – помотал головой интродер. – За что вас и ценят.

– Что ж, спасибо за доверие, – вмиг оттаял осведомитель. Даже лаконичная похвала от представителя Ведомства была практически равносильна вручению медали «За заслуги перед Отечеством». – Как прикажете: к делу, значит, к делу... – Сидорович плеснул себе полстакана воды, промочил горло, утер губы рукавом и продолжил: – А расклад по выданной вами ориентировке на сегодня такой. Груз из-за Кордона прибывает послезавтра вместе с армейским патрулем, который отправится к бывшему НИИ «Агропром» под видом зачистки местности от мутантов. Патрулем командует капитан Назар Чупренко.

– Капитан Чупренко... – негромко повторил Кальтер, фиксируя в уме фамилию «помехи» и шоркая по испачканному рукаву мокрой тряпкой.

– ...Мой источник также сообщает, – продолжал торговец, – что капитан Чупренко является доверенным лицом полковника Сердобольцева, снятого полгода назад по подозрению в служебных махинациях с должности командира Шестого миротворческого батальона, охраняющего этот сектор периметра. А конкретно, полковника обвиняют в организации схемы по продаже сталкерским кланам оружия зарубежного производства. После отстранения Сердобольцева новые натовские стволы все равно продолжают здесь появляться. Пусть не в прежнем количестве, но несколько крупных партий за последние полгода приходили, это точно. Об одной из них я вам, кстати, сообщал...

– Да, разумеется, – кивнул Кальтер. Просто из вежливости. На самом деле он понятия не имел о том сообщении. Он был привлечен к этому делу лишь в качестве полевого оперативника и пользовался информацией, отфильтрованной для него Стратегом. В данный момент в ней оставалось заполнить только один пробел: вывести точное место встречи продавца и покупателя стратегического товара – противозенитного комплекса «Пурга-Д», похищенного недавно с секретного испытательного полигона под Мурманском. Ведомство лишь приблизительно отследило маршрут, по которому была отправлена уворованная ракетная установка, и перехватить груз в пути не удалось. Пришлось планировать его перехват уже на месте, однако с этим возникла одна существенная загвоздка.

Ведомство подозревало, что в незаконной сделке участвуют представители армейского миротворческого контингента – те самые лица, что когда-то работали и, скорее всего, до сих пор работают на коррупционера Сердобольцева. Поэтому даже скрытное проникновение в Зону оперативного подразделения могло быть в любой момент рассекречено. Наблюдатели из военной разведки и их внештатные помощники фиксировали перемещение крупных сталкерских групп и передавали информацию своему командованию, среди которого наверняка остались верные Сердобольцеву офицеры. Группа новых, но уже отлично экипированных сталкеров – а больше оперативникам Ведомства выдать себя в Зоне было не за кого – неминуемо вызвала бы подозрения в штабе миротворческого контингента, и сделка по продаже «Пурги-Д» гарантированно была бы отсрочена. А то и вовсе отменена, и новейший вертолетный ПРК мог «уплыть» совсем в другое место – куда-нибудь юго-восточнее, где на него также нашелся бы покупатель.

Пришлось Ведомству подключать к операции спецотдел «Мизантроп», хотя работа внутри бывшего советского пространства не входила в сферу интересов данного подразделения. Но сроки поджимали, а оперативники «Мизантропа» как никто другой подходили для заброски в Зону, поскольку всегда и везде работали исключительно в одиночку и без поддержки «центра». Одинокий сталкер, даже оснащенный ультрасовременным вооружением, не привлекал к себе особого внимания – по Зоне постоянно шлялись чокнутые богатые экстремалы, слетающиеся сюда со всего света на экзотическое сафари.

Однако дополнительное преимущество оперативников-интродеров состояло в том, что они вообще могли не показываться никому на глаза до момента выхода на цель. В основном «мизантропов» готовили для работы в странах Средней Азии и Ближнего Востока – местах, обитатели коих, ввиду их особого восточного менталитета, славились тем, что к ним было катастрофически сложно, а зачастую попросту невозможно внедрить шпиона-«крота». Для разведывательно-диверсионной деятельности в том регионе требовались особые методы, и зачастую крайне радикального, прямолинейного толка. Именно они, а не хитросплетение шпионских интриг чаще всего приносили необходимый результат. Поэтому недаром гербом отдела «Мизантроп» служил разрубленный пополам сложносплетенный узел. Тот самый гордиев узел – знаменитая фригийская загадка, с которой безыскусно, но эффективно расправился Александр Македонский, наглядно продемонстрировав, как должен вести политику тот, кто твердо решил править азиатским миром.

Кальтер и его собраты по отделу являлись узкопрофильными специалистами, обученными рубить узлы, распутывание которых дипломатическим путем было попросту невозможно. «Мизантропов» посылали на юг с конкретными, четко спланированными задачами. Их выполнение никогда не требовало ассимиляции с патологически недоверчивыми аборигенами, а также вступление в контакты с кем бы то ни было. Разумеется, Кальтер неплохо владел арабским и несколькими его расхожими диалектами. Но общаться с представителями местного населения ему приходилось лишь в особо оговоренных случаях. А чем заканчивались те встречи, майор вспоминать не любил. Он вообще старался по возможности сразу же забывать задания, в которых принимал участие. Так его обучили, и только это помогало Кальтеру на

протяжении двух десятков лет сохранять кристально чистый рассудок и до сих пор оставаться одним из лучших оперативников спецотдела «Мизантроп». Даже несмотря на то, что майор пережил на этом посту всех тех, с кем когда-то начинал службу в Ведомстве.

«Старый конь борозды не испортит», – очевидно, именно таким принципом руководствовался Стратег, когда посылал Кальтера в Зону. Что ж, скоро выяснится, насколько дальновидным было командование, доверив это дело ветерану, коему оставались считанные годы до отставки. Однако на сей раз майор был благодарен Стратегу за то, что тот не промаркировал как «помеху» старика-осведомителя и тех сталкеров, с которыми интродер мог случайно столкнуться в Зоне. Что ни говори, а работа на родине имеет больше преимуществ, чем заграничные командировки. В них судьба видевших «мизантропа» информаторов или нечаянных свидетелей в большинстве случаев складывалась незавидно...

– Кто покупатель? – поинтересовался Кальтер, закончив чистку комбинезона и напоследок опрыскав его специальным дезодорантом – нейтрализатором запахов.

– «Монолит», – ответил Сидорович. – Кто конкретно из сектантов прибудет на встречу и на каком транспорте, я, к сожалению, не выяснил. «Монолит» – закрытая организация, не контактирующая с другими сталкерскими группировками, поэтому раздобыть информацию о секте по обычным каналам невозможно. При штурме Четвертого энергоблока монолитовцы отбили у военных несколько единиц бронетехники плюс один боеспособный вертолет. Но вы уже наверняка это выяснили и можете спрогнозировать любой вариант развития послезавтрашних событий.

– «Монолит» воюет со всеми без исключения сталкерами, – заметил Кальтер. – Неужели, к примеру, тот же «Долг» никогда не брал в плен сектантов и не допрашивал их?

– В Зоне очень редко берут пленных, майор, – вздохнул торговец. – В основном потому, что никто не предлагает за них выкуп. Когда сталкеры сбиваются в клан, подавляющая их часть все равно остается индивидуалистами, преследующими лишь свои корыстные цели. Какому искателю, спрашивается, охота отдавать врагам с трудом добытые артефакты, чтобы спасти жизнь тому, кто, возможно, завтра умыкнет у тебя из-под носа ценнейшую находку? Конечно, исключения бывают. Но это скорее частные случаи, характерные лишь для воистину сплоченных товарищеских компаний, каковых в Зоне раз, два и обчелся. Даже альтруисты из «Долга» скорее предпочтут отбить взятых в плен братьев силой, чем пойдут на переговоры с врагом. Хотя насчет этих парней вы, скорее всего, правы. Генерал Воронин – опытный солдат и наверняка требует от своих подчиненных, чтобы они по возможности выпытывали у пленных стратегическую информацию. Однако я сомневаюсь, что даже должовцам по силам разговорить сектанта из «Монолита».

– Монолитовцы – фанатики? – спросил интродер, по опыту «южной» работы знающий, что представляет собой подобная одержимая публика.

– Да, типа того, – согласился Сидорович. – Такие, как эти ребята, скорее откусят себе язык, чем расколуются на допросе. Раньше у меня был надежный контакт в «Долге», причем приближенный к самому генералу. Но, к несчастью, год назад мой информатор погиб, и теперь я почти не в курсе того, что творится внутри этой группировки. Собираю лишь сплетни, но за их правдивость я поручиться, увы, не могу.

– Что вы можете рассказать о НИИ «Агропром»? – задал очередной вопрос Кальтер.

– А что именно вас интересует?

– Припомните все, что вам известно. И желательно поподробнее.

– Без проблем, но это займет некоторое время. Может быть, все-таки присядете?

– Хорошо, так и быть, давайте сюда ваш стул.

– Чаю хотите? На травах. По рецепту Болотного Доктора.

– Пожалуй, тоже не откажусь. Когда еще случай представится? Завтра уже не до чая будет... И еще одна просьба... – Похоже, суровый майор вдруг почувствовал неловкость, или

Сидоровичу это лишь померещилось? – Не найдется ли у вас случайно лишнего мешочка с болтами? Если надо, я вам за них заплачу.

– Это за болты, что ли? – расплылся в улыбке старик. – Да полноте, какая оплата! Берите даром вместе с мешочком. Такого добра у меня навалом...

Глава 3

Лезть под землю Кальтеру страсть как не хотелось. Но из всех способов проникновения в исследовательский центр НИИ «Агропром» пробраться туда по подземным коммуникациям было самым оптимальным вариантом. Повышенный риск, который в этом случае брал на себя интродер, компенсировался фактором внезапности. Поэтому Кальтер предпочитал рискнуть и появиться на территории нужного объекта оттуда, откуда майора никто не ждал. Вдобавок, согласно информации Сидоровича, грядущей ночью в Зоне намечался очередной выброс, так что интродеру нужно было в любом случае подыскивать себе укрытие. Институтские катакомбы для этого вполне подходили.

Однако, склонившись над жерлом ведущей в них широкой вертикальной шахты, майор засомневался, а правильно ли он поступает. Сидорович был достаточно осведомлен об «Агропроме», но практически ничего не знал о его подвалах. Единственные точные сведения, коими располагал старик о катакомбах, касались лишь расположения выходов. Плюс факт из разряда обоснованных слухов, что военные те катакомбы не контролируют и вообще не суются в них, заминировав со своей стороны ведущую на поверхность шахту.

Чего боялись оккупировавшие институт вояки? Мутантов, которые якобы обитают в подвалах? Не только их. Стратегической ценностью подземелья НИИ обладали лишь для тех, кто желал пробраться в исследовательский центр, а не наоборот. Второй выход из тоннелей располагался километром севернее, рядом с институтским хозблоком, и армейцы, которые уже не контролировали ту территорию, попросту блокировали ведущий оттуда к ним на базу подземный ход от злоумышленников вроде Кальтера.

Армейских мин интродер не слишком опасался, а вот насчет мутантов и аномалий беспокоился не на шутку. Хлебнул с ними лиха на Кордоне – мало не показалось. «Не спеши и осмотрись!» – этот девиз Кальтеру было впору начертать у себя на комбинезоне. Или вытатуировать на лбу, предварительно сведя оттуда часть Символа Аль-Шаддада, который, согласно особой директиве Стратега, вот уже более десяти лет использовался интродерами «Мизантропа» вместо камуфляжной окраски. Руководствуясь местным девизом, Кальтер проделал весь путь от Кордона до института, пройдя за тридцать часов расстояние, которое интродер за пределами Зоны покрыл бы в четыре раза оперативнее. Даже в горах Памира он передвигался намного быстрее. Здесь же – в краю холмов, полей, болот и перелесков – отменный скалолаз и бегун Кальтер плелся к цели со скоростью неторопливо прогуливающегося пенсионера, в то время как сил на эту прогулку уходило несоизмеримо больше, чем она, казалось, того требовала.

Помимо обещанного мешочка с болтами Сидорович всучил майору неисправный автомат «Энфилд», который гостю пришлось в обязательном порядке взять, дабы вписаться в легенду о богатом покупателе и помочь хозяину оправдать появление у него на руках солидной денежной суммы. Деньги были выданы торговцу в качестве оплаты за сбор информации, и Сидорович мог заказать на них с Большой Земли хорошую партию нужного сталкерам товара. По мнению майора, история о продаже винтовки не выдерживала критики, ведь Леха Шпала наверняка заметил, что визитер вооружен гораздо более современной пушкой, нежели подержанный «Энфилд». Но Сидорович лишь отмахнулся и сказал, что для того, чтобы отбрезаться от расспросов, легенда вполне сгодится, а о чем там сталкеры будут судачить у него за спиной, торгоша уже не волновало. Интродер пожал плечами, мол, ваши проблемы, а покинув поселок, утопил небоеспособный «реквизит» в первом попавшемся бочаге, дабы не тащить на себе лишний груз.

А вот болты Кальтеру действительногодились. Еще в бункере он, по совету Сидоровича, обвязал вокруг каждого из них короткую тряпчатую ленточку, чтобы было проще находить их в густой траве. А отправившись в дальнейший путь, взял за правило постоянно вер-

теть в пальцах болтик, словно четки, и при любом сомнении швырять тот в подозрительное место, не дожидаясь сигнала детектора. С глазомером у Кальтера был полный порядок, так что интродер мог проверять свои опасения, не приближаясь чересчур близко к подозрительным местам. В общем, постигал мало-помалу местную науку выживания, приобретая сталкерские привычки – бесполезные за пределами Зоны, но жизненно необходимые здесь.

Не обошлось и без курьезов. Однажды Кальтер решил проверить непонятное завихрение воздуха, на которое не среагировал детектор, и ненароком засветил болтом в спящего среди высокой травы клыкастого кабана-мутанта. Монстру такая бесцеремонность крайне не понравилась, и он решил воздать обидчику по заслугам. Заметив, какую «аномалию» он разбудил, Кальтер не мешкая вскинул винтовку и открыл огонь по несущемуся к нему во весь опор кабану. Пробитый полудюжиной пуль, тот, однако, и не думал останавливаться, а продолжал мчаться на человека стремительной четвероногой торпедой. У интродера не оставалось иного выхода, как уступить противнику дорогу, уйдя перекатом в сторону, и позволить кабану с хрюканьем и визгом проскочить мимо.

Приняв изготровку для стрельбы с колена, майор повторно взял на мушку промахнувшегося мутанта, но стрелять не спешил – понадеялся, что этот сгусток ярости все-таки обессилит от ран и скопытится, сэкономив Кальтеру несколько патронов. Но кабан затормозил, развернулся и, вновь вперив в жертву злобные глазки, рванул к ней с прежней неумной прытью.

Во втором раунде этой маленькой корриды интродер решил изменить правила. Выждав, когда упорный мутант приблизится, Кальтер пальнул в него из подствольной ракетницы дротиком с разрывным наконечником, загодя приготовленным майором как раз для самых неугомонных представителей местной фауны. Пороховой заряд вытолкнул дротик из подствольника, и дротик вонзился кабану аккурат в лоб. После чего разделился на несколько сегментов, подобно пуле «дум-дум», только с гораздо большим поражающим эффектом. Голова монстра разлетелась на кровавые ошметки, но Кальтеру все равно пришлось отскочить вбок, а иначе несущееся на него обезглавленное тело неминуемо сшибло бы майора с ног не хуже мотоцикла. И только пробежав по инерции еще с десятков метров, подстреленный кабан рухнул и, забившись в судорогах, утихомирился.

Майор сглотнул слюну, отстегнул маску, а затем облегченно вздохнул и вытер взмокшее от пота лицо. Хорошенькое сафари выпало на его долю! А если бы в траве спал не один свирепый кабанюка, а хотя бы парочка подобных? Будь это так, Кальтер не стоял бы сейчас на ногах, а лежал в траве с переломанными конечностями, отбитыми внутренностями и разодранной глоткой, дожидаясь, когда по его душу заявятся мутанты-падальщики. Впрочем, здешние хрюшки-терминаторы наверняка и сами не прочь полакомиться человечинной, ибо не верилось, что такая кровожадная зверюга питается лишь корнями и желудями...

К вечеру своего первого дня пребывания в Зоне Кальтер с оглядкой и на полусогнутых добрался до Свалки. Когда же начали сгущаться сумерки, он лежал на пригорке и обзревал в бинокль знаменитое кладбище техники – место временного пристанища практически всех сталкеров, идущих с Кордона или, наоборот, возвращающихся на него.

Кладбище было одной из старейших достопримечательностей Зоны, поскольку образовалось тут еще четверть века назад, после первого черномыльского выброса. Именно этот пустырь выбрали ликвидаторы аварии на ЧАЭС для массового складирования радиоактивной техники, поскольку вывозить ее отсюда было попросту недопустимо. Ветры, дожди и снегопады превратили расставленный длинными рядами гражданский и армейский транспорт в ржавый хлам, наподобие того трактора, возле которого майор схлестнулся со снарком. Пространство между рассыпающимися от времени автомобилями зарастало травой и кустарником. И лишь сталкеры, облюбовавшие кладбище техники для стоянок, еще хоть как-то придавали ему, если можно так выразиться, худо-бедно жизнерадостный вид.

Чем оно привлекало искателей артефактов, неизвестно. Неужели только тем, что располагалось неподалеку от самых безопасных путей проникновения на Кордон? Или же скопление автомобильных «динозавров» прошлого века обладало некой энергетикой, притягивающей к себе путников подобно тому, как заманивали древних моряков своими песнями сладкоголосые сирены? Правда, в отличие от жертв сирен, сталкерам везло больше, и они могли покинуть притягательное для них место, когда пожелают. Видимо, духи кладбища были уверены, что в следующий раз скитальцы в любом случае никак не пройдут мимо, поэтому и отпускали их без проблем.

Сегодня на стоянке было не слишком многолюдно. Однако майор все равно не собирался появляться там в открытую. Как и уходить от технокладбища на ночь глядя. Новичкам-скитальцам вроде Кальтера и днем-то по Зоне ходить опасно, а ночью и подавно. С наступлением темноты даже матерые сталкеры предпочитают хорониться по убежищам, позволяя себе расслабиться после напряженного дня. Нельзя сказать, что майор был вымотан до предела, – многосуточные рейды без сна и отдыха являлись для него нормой. Но испытывать судьбу, дерзнув на ночной переход по Зоне, не проведя в ней и суток, Кальтер, разумеется, не стал. Шансы выжить в таком походе у него были мизерные. Ни Луны, ни звезд на небе не наблюдалось, а полагаться в кромешной тьме на прибор ночного видения – даже такой высокочувствительный, как ведомственный «Ноктюрн», – было чересчур самоуверенно. Разглядеть во мраке при помощи «Ноктюрна» удалось бы, пожалуй, лишь одну из десяти аномалий, а уж соревноваться в зоркости с мутантами можно было, только став одним из них. Короче говоря, ночная Зона являлась тем противником, превосходство которого над Кальтером было неоспоримо без доказательств.

Майор дождался, когда окончательно стемнеет, затем осторожно спустился с холма, прокрался под ограждением из колючей проволоки и подполз под старенький строительный вагончик, в котором сталкеры ночевали и прятались от дождя. Благодаря тому, что сигналы ПДА Кальтера не улавливались радарными другими сталкерами, засечь проникшего в лагерь чужака они были не в состоянии. Майор, конечно, мог не рисковать, подбираясь так близко к сталкерской стоянке, и залезть под днище какого-нибудь автобуса. Но «мертвецы» на этом кладбище источали такой радиационный фон, что дозиметр возле них начинал стрекотать без умолку, словно кузнечики, которые давным-давно вымерли в Зоне. Поэтому интродер не стал лишним раз приближаться к облученной технике. А вагончик, судя по всему, появился здесь недавно, поскольку сталкеры без опаски пользовались им как укрытием. Трава под ним была не приямта, и это послужило для Кальтера добрым знаком. Значит, какие бы многочисленные группы скитальцев порой ни собирались на стоянке, они всегда умещались в вагончике и никому не выпадал жребий ночевать под ним, где тоже имелись вполне пригодные условия для ночлега.

Стараясь не примять траву, скрывавшую его от сталкеров, жарящих на костре вороньи тушки, Кальтер наскоро сжевал несколько «фирменных» ведомственных галет – питательных, но за годы службы осточертевших майору до изжоги. Потом запил свой скромный ужин витаминным напитком и, настроив себя проснуться ровно в четыре часа утра, забылся чутким неглубоким сном. Конечно, было невежливо вот так, без разрешения, пользоваться услугами местной охраны, но поскольку сталкеры о скрытном визитере не знали, значит, и не обиделись.

Разбудили майора предупредительные окрики часовых, заметивших в предрассветных сумерках какую-то опасность. Кальтер мигом продрал глаза и украдкой выглянул из зарослей, слушая, как дощатый пол будки над ним содрогается от топота поднявшихся по тревоге сталкеров. По доносящимся до интродера возгласам и обрывкам фраз, сопровождаемых клацаньем автоматных затворов, он выяснил, что с востока к стоянке движется группа бандитов. Очевидно, они прознали, что сегодня здесь ночует немногочисленная группа скитальцев, и решили напасть на них, когда у уставших часовых начнут слипаться глаза. Поняв, что их выходка сорвалась, бандиты открыли огонь еще на подходе к стоянке и ринулись в атаку, соби-

раясь взять заспанных сталкеров уже не тихой сапой, как планировалось, а нахрапом. Пули засвистели над кладбищем, дырявя стены вагончика и обшарпанные борта стоящей на вечном приколе техники.

Но сталкеры оказались не лыком шиты – как-никак эта территория принадлежала им, и тактика ее обороны была отработана хозяевами на совесть. И наверняка испробована на практике, поскольку подобные нападения на стоянку вряд ли являлись редкостью. Искатели артефактов быстро рассредоточились по распределенным еще с вечера позициям и взялись поливать врагов ответным огнем – методично, без лишних криков и ругани, коими сопровождалась бандитская атака. Поэтому неудивительно, что вскоре она захлебнулась, натолкнувшись на грамотно организованную оборону.

Но упрямые, как тот кабан, что напал вчера на Кальтера, бандиты, однако, не отступили, а залегли в складках местности и переключились на позиционный бой, либо собираясь взять сталкеров измором, либо попытаться перегруппироваться и атаковать кладбище с другого направления. Второе было наиболее вероятным, поскольку длительные бои в Зоне никогда не велись. Слишком дороги были тут патроны, которые любая позиционная война пожирала в немереных количествах. Да и терпения у местных бандитов для изматывающей схватки вряд ли хватило бы. Не те они были вояки, как, например, их собратья из Средней Азии, способные драться на равных не только с полицией, но и с частями регулярной армии.

Кальтер не намеревался вступать в чужую разборку и решил слинять из опасной зоны, пока в тылу у сталкеров было еще спокойно. Майор не сомневался, что они отобьются, поскольку видел, что хозяева готовы отбить атаку с любого направления. Застать их врасплох любителям легкой наживы уже не удастся, и бандиты наверняка уберутся восвояси еще до того, как окончательно рассветет. Но прятаться на окруженной стоянке под огнем и тех и других майору не хотелось. И пока большинство сталкеров смотрело на восток, интродер вылез из-под вагончика и пополз между рядами ветхой техники к западным воротам кладбища.

Как ни стремился «мизантроп» избежать участия в не касающемся его конфликте, полностью отстраниться от него Кальтеру не удалось.

Отползая от вагончика на достаточное расстояние, интродер поднялся с земли и, пригнувшись, рванул короткими перебежками в выбранном направлении. Майор не мог ретироваться тем же маршрутом, каким пришел. Во-первых, оттуда же десять минут назад явились и бандиты, а во-вторых, если вчера, ползая на стоянку, он спускался с холма, то теперь ему пришлось бы карабкаться вверх по крутому склону, что, естественно, было бы не самым рациональным выбором.

Быстро рассеивающиеся сумерки уже позволяли разглядеть впереди лежащий путь без прибора ночного видения. Поэтому парочку бандитов, что двигалась навстречу интродеру по тому же проходу, Кальтер засек раньше, чем они его. Юркнув между лежащим на днище бесколесным БТРом и измятым «жигуленком», майор хотел перебежать в соседний проход, но оказалось, что и по нему крадутся двое рослых типов в масках и натянутых на головы капюшонах. Спрятаться под днище какого-либо из ближайших стальных «мертвецов» было нереально, а метаться по проходам в поисках подходящего укрытия – слишком поздно. Заходящая сталкерам в тыл четверка бандитов (не исключено, что их было больше – майор не видел, что происходит в других проходах) быстро продвигалась вперед и вскоре должна была поравняться с затаившимся между БТРом и легковушкой Кальтером. Единственным преимуществом интродера было то, что враги пока его не обнаружили, но до этого момента оставались лишь считанные секунды.

– Ша, пацаны!.. – только и успел прокричать первый из ублюдков перед тем, как словил в лоб пулю из «ВМК». Крадущемуся позади него приятелю тоже хватило времени, чтобы выругаться, но не более. Майор не позволил ему ни уклониться, ни открыть ответный огонь, прикончив врага двумя выстрелами в грудь.

Фактор внезапности был потерян, зато левый проход стал свободен для прорыва, чем Кальтер не преминул воспользоваться. Крики приконченных бандитов переполошили их приятелей, крадущихся по другим параллельным проходам. Как и предполагалось, бандитских групп было не две, а около полудюжины. Ближайшая из них – та, что двигалась по соседству с уничтоженной, – начала расстреливать из автоматов ближайшую технику и орать, предупреждая остальных о «борзых фраерах, заваливших Кефана и Зюзю». Кальтера ошибочно приняли за группу сталкеров, заходящих бандитам во фланг. Их скрытное продвижение сорвалось, и все они бросились на подмогу правофланговой группе, что продолжала остервенело палить по технике, полагая, что где-то за ней прячутся убийцы двух невезучих «пацанов». Со стороны лагеря в этом направлении тут же ударили неприцельные очереди. Хозяева стоянки понятия не имели, что вспугнуло заходящих им в тыл бандитов, но живо отреагировали на их появление предупредительным огнем.

А майора и след простыл. Обежав по дуге разъяренных приятелей подстреленных им Кефана и Зюзи, Кальтер поднырнул под колючую проволоку и покинул пределы кладбища. А затем, метнув болт в сторону ближайших кустов и не выявив на пути аномалий, стремительно достиг укрытия. Где затаился и наконец-то позволил себе короткую передышку.

Когда же над Зоной взошло скрытое рваной вуалью туч солнце, Кальтер уже продвигался на северо-запад. Свалка, в отличие от того же Кордона, изобиловала множеством укрытий искусственного происхождения. Они являли собой не только разбросанную повсюду старую технику, но и прочий крупногабаритный мусор. Искореженные металлоконструкции; мятые топливные резервуары; разбитые бетонные блоки едва ли не всех существующих в мире форм и размеров; куски труб, в самые широкие из которых мог проехать даже армейский БТР; железные щиты, коих на Свалке, наверное, хватило бы для постройки целой флотилии нефтяных танкеров; сплетенная в немыслимые узлы строительная арматура; огромные локаторные антенны, пару раз попавшиеся Кальтеру на пути... Все это валялось здесь в полнейшем хаосе, в котором, однако, при желании можно было отыскать некую мрачную гармонию, подходящую для увековечения на эпическом полотне под названием «Закат эры человека».

Это была самая грандиозная свалка, когда-либо виденная майором, и потому он был полностью согласен с тем сталкером, которому пришлось в голову писать ее название с заглавной буквы. Именно так: Свалка. Ни добавить, ни убавить – все предельно ясно. Даже несведущий человек глянет на местную карту и поймет, какого калибра мусор заполняет эту обширную территорию, протянувшуюся вдоль южного Кордона от Темной Долины до «Агропрома».

Лавируя между нагромождениями монументальных «останков цивилизации», многие из которых даже на расстоянии вгоняли в панику дозиметр, Кальтер, «не спеша и осматриваясь», добрался к полудню до ведущей на «Агропром» дороги. Места эти оказались на поверку гораздо оживленнее, нежели представлялось майору по рассказу старика Сидоровича. Похоже, торговец бывал здесь довольно давно и с тех пор в этих краях многое успело измениться.

Сюда, в отличие от Кордона, военные патрули заезжали не регулярно, а время от времени, и потому на Свалке бандитам было намного выгоднее отлавливать возвращающихся с хабаром сталкеров. Стычки, подобные той, невольным участником которой майор стал сегодня утром, здесь не являлись редкостью. Частенько то с одной, то с другой стороны гремела оружейная пальба. Едва заслышав звуки близких выстрелов, Кальтер сразу же бросался искать укрытие и пережидал в нем беспокойные минуты. Дважды мимо него прокрадывались компании настороженных людей, но ни разу ему на глаза не попался такой, как он, «единоличник». Да, пересечь Свалку из конца в конец в одиночку очень и очень тяжело. Поэтому даже незнакомые друг с другом сталкеры – а когда подпирала нужда, то, бывало, и члены враждующих кланов – заключали между собой временные альянсы, чтобы отбиться от ошивающихся на Свалке грабителей.

Однако имелся в этом многолюдии (по здешним меркам, разумеется) и свой плюс. Благодаря постоянно снующим по Свалке сталкерско-бандитским группировкам на ней обитало очень мало собак, псевдоплоти, кабанов и прочих неразумных стайных мутантов. А те, что изредка попадались навстречу майору, шарахались от человека, будто от аномалии. Кальтеру это, безусловно, играло на руку, ведь скрыться от бандита или сталкера не в пример легче, чем от чутких монстров Зоны.

Облюбовавшие южный комплекс зданий «Агропрома» военные отвалили от института множество как романтиков с большой дороги, так и обычных искателей артефактов. И пусть в северном хозблоке продолжали отираться то те, то другие – по сравнению со Свалкой район НИИ выглядел безлюдно. Чего нельзя было сказать о мутантах – их поголовье здесь оказалось выше, чем несколькими километрами восточнее. Стаи псевдособак и слепых псов чувствовали себя на окрестных полях полноправными хозяевами и заставили Кальтера изрядно понервничать. Поэтому он решил не отдаляться от асфальтовой дороги, с которой курсировавшие на свой форпост и обратно военные наверняка любили пострелять по пробегавшим мимо четвероногим монстрам.

Догадка оказалась верной – рыскающие по полям мутанты старались держаться подальше от дороги. Придерживаясь этого маршрута, интродер пробрался вдоль огораживающего хозблок бетонного забора и вскоре отыскал по наводке торговца северный вход в катакомбы. И вот теперь Кальтер сидел возле люка и гадал, можно ли полагаться на непроверенную информацию Сидоровича и спускаться туда, куда не всякий охотник за хабаром рискнет сунуться...

Научный центр располагался километром южнее, и его главное трехэтажное здание было различимо отсюда в просветы между деревьев. А вместе с ним и построенные военными деревянные смотровые вышки, на одной из которых Кальтер заметил в бинокль наблюдателя со снайперской винтовкой. Отчетливо различимая конечная цель маршрута вселяла в майора уверенность, а намечающийся этим вечером выброс ненавязчиво подстегивал к поиску убежища. Всего-то дел: пройти километр по темным сырým тоннелям и разминировать выход из них. Мало ли пещер и катакомб облазил в своей жизни «мизантроп», подбираясь к своим ближневосточным и среднеазиатским «помехам»? Подсчитать весь пройденный Кальтером пещерный километраж, так длина тоннелей «Агропрома» покажется интродеру и вовсе спринтерской дистанцией. Не успел разогнаться, и уже финиш... В теории, разумеется. А она, как не раз убеждался на собственном опыте майор, очень редко соответствовала реальному положению вещей.

Майор знал, что вынуждает его колебаться. *Чужой* ветер Зоны, к которому он так и не сумел привыкнуть, пробудил в Кальтере множество ранее неизвестных ему чувств. Причем доля страхов в них была далеко не преобладающей. Интродер привык доверять собственным инстинктам, но те, что просыпались в нем сейчас, являлись для него совершенно чуждыми. И потому он даже не знал, как к ним относиться: с доверием или, наоборот, счесть их проявлением слабости и игнорировать посылаемые ими сигналы. Сквозняк, который дул из люка в лицо Кальтеру, был не чем иным, как концентрированным потоком *чужого* ветра. А он, пролетая через катакомбы, казалось, вбирал в себя весь ужас, что годами копился в их стенах. Оттого даже смехотворная протяженность тоннелей «Агропрома» вгоняла майора в столь нехарактерную для него прежде оторопь.

К счастью, Кальтер еще не потерял самоконтроль и мог усилием воли придушить в себе предательские сомнения. Надо было лишь отринуть посторонние мысли и приступить к работе. И неуверенность исчезнет, поскольку голову интродера сразу займут мысли чисто практического толка. Разбавлять их сомнениями было все равно что пытаться произвести переукладку парашюта после того, как ты выпрыгнул из самолета.

Оглядевшись и убедившись напоследок, что никто за ним не наблюдает, майор перецепил поясную альпинистскую мини-лебедку на живот, пропустил между ногами, приделал к

ремню дополнительные лямки, чтобы снять нагрузку с поясицы, и, защелкнув карабин троса на торчащей из стенки шахты арматурине, приступил к спуску.

Пользоваться лестницей из вмурованных в стену скоб Кальтер отказался, ибо на ней, с высокой вероятностью, могла стоять ловушка. Глубина шахты, согласно ультразвуковому дальномеру, была шестнадцать метров, и любой кумекающий в диверсионном ремесле сталкер мог превратить ее в смертоносный капкан для недоброжелателей. Причем даже без применения взрывчатки. Обычная лестничная ступенька, вытасченная из стены, а затем вставленная обратно таким образом, чтобы отломиться, когда человек наступит на нее всем весом, могла гарантированно прикончить того, кто спускался в глубокий колодец. А торчащие под лестницей острые прутья арматуры лишь закрепили бы эту гарантию. Так что интродер предпочел разобраться с проблемой по-своему, поскольку в данной ситуации он больше доверял штатному оборудованию «мизантропа».

Медленно стравливая тонкий, но прочный стальной трос («толстолобики» из лаборатории уверяли, что он без проблем выдерживает вес в тонну, но проверить это на практике Кальтеру так и не представилось возможности), майор преодолел половину разделявшего его и колодезное дно расстояния. После чего застопорил лебедку, достал микрофон, выдвинул на максимальную длину его телескопическую ручку, опустил прибор вниз и провел короткую акустическую разведку.

Капли воды, то и дело падающие с потолка на бетонный пол, да негромкое шуршание на сквозняке зацепившейся за что-то газеты... Вот, пожалуй, и все. По крайней мере, никаких крупных жизненных форм в расположенном внизу помещении не обнаружилось. Разве только они были такими же любителями тишины, как сам Кальтер... Но тут уже придется поверить своему многолетнему опыту и чуткому слуху. Или все-таки спустить для остротки вслед за микрофоном оптический кабель с микрокамерой, подключенной к ПДА в режиме ночного видения? Нет, оставить – время поджимает. Если снаружи кто-то выследил, как майор полез в шахту, врагу сейчас самое время подкрасться и пристрелить лишнего маневренности интродера. Поэтому необходимо как можно скорее убираться из колодца.

Кальтер продолжил нисхождение, но когда до выхода в катакомбы оставалось всего полметра, майор вновь остановился и застопорил лебедку. Внизу было темно, но «Ноктюрн» превосходно справлялся со своей задачей и позволял оценить обстановку. Однако Кальтер не торопился спускаться на дно тоннеля. Нижняя горловина колодца тоже могла таить нежелательные сюрпризы. По крайней мере, если бы майор решил укрыться в этом подземелье, он не отказал бы себе в удовольствии устроить врагам подлянку именно здесь – на выходе из шахты...

...И потому ничуть не удивился, когда оказался прав. Обнаружить ловушку было несложно, но для этого все равно пришлось прибегнуть к вспомогательным средствам. Перевернувшись на тросе вверх тормашками, майор извлек из кармана аэрозоль для очистки комбинезона и брызнул им в проход. Эта примитивная, но действенная методика позволяла выявить как современную мину с лазерным взрывателем, так и обычную, невидимую в темноте, растяжку. Первую встретить в Зоне было маловероятно – слишком дорогая игрушка для сталкера. Зато вторая, в связи со своей дешевизной, могла встречаться в этих краях повсеместно, и Кальтер даже удивлялся, почему за время скитаний по Зоне он до сих пор не наткнулся ни на одну растяжку.

На выходе из колодца таковых стояло аж сразу три – все параллельно друг другу, словно заградительная решетка. А тот, кто заминировал шахту, вдобавок выкрасил черной краской соединяющую гранаты проволоку. Так что любой нежелательный посетитель, который, спускаясь по лестнице, пользовался бы фонариком, мог проморгать ловушку – черная проволока на фоне царящего внизу кромешного мрака была абсолютно неразличима. В том числе и «Ноктюрном». Но осевшие на проволоке мельчайшие брызги мутного аэрозоля рассекретили ее и позволили интродеру приступить к разминированию.

Перекусив поочередно карманными кусачками все три стальные жилки, Кальтер отметил, что растяжки были установлены изнутри и минер уже никак не мог бы выбраться наверх по колодцу. Работа военных? Не похоже. Они давно не занимаются такой кустарной ерундой, потому что у них в арсенале имеются отличные современные мины. Конечно, не такие продвинутые «игрушки», которые тащил с собой майор, – миниатюрные, но вдвое превосходящие по мощности армейские аналоги взрывные устройства, – но тоже вполне эффективные. И самое главное – простые в установке. Тот же, кто опутывал горловину колодца растяжками, провозился с ними полчаса, не меньше, поскольку минеру пришлось прилаживать к потолку тоннеля специальные кронштейны для размещения в них гранат. И как выяснилось, вся эта канитель была напрасной... Но надо отдать тому умельцу должное – он постарался на совесть. Просто откуда ему было знать, что в заминированное им подземелье будет спускаться интродер-мизантроп, чья параноидальная подозрительность являлась не болезнью, а жизненно необходимым, профессиональным качеством.

Существовало три версии, куда мог подеваться загадочный подрывник: «а» – он все-таки был военным и покинул катакомбы через южный выход; «б» – он покинул катакомбы через третий выход, о котором ни военные, ни Сидорович не знали; «в» – он до сих пор находится в катакомбах. Кальтер исследовал проволоку на ощупь и на запах. Она была выкрашена нитрокраской, которая сохнет достаточно быстро, даже во влажных условиях. Эта краска еще липла к пальцам, а значит, была нанесена на проволоку не более суток назад. Либо, с учетом здешней сырости, – двух суток. Следовательно, версию «в» нужно рассматривать в качестве приоритетной. Катакомбы обитаемы, и тот, кто в них прятался, тоже являлся мизантропом, только уже без кавычек, в полном смысле слова.

Майор перевернулся на тросе в обычное положение, расстопорил лебедку и, спустившись в тоннель, осторожно коснулся ботинками пола. Растяжки вполне могли оказаться отвлекающим маневром, а вот мина под лестницей – главной ловушкой. Поэтому Кальтер спускался по диаметрально противоположной от лестницы стороне колодезной шахты. Проверив пол и не найдя поблизости дополнительных взрывных устройств, майор отстегнул посредством пульта дистанционного управления карабин троса, дождался, когда тот упадет и автоматически скрутится обратно под лебедочный кожух. Потом отцепил маску – пыли во влажном подземелье не было, – снял со спины винтовку, приготовил болт и осторожно двинулся в глубь уходящего во мрак тоннеля.

Как оказалось, это был всего лишь короткий, примыкающий к выходу коридор – нечто вроде прихожей, что вывела Кальтера в зал, заставленный громоздким оборудованием и напоминающий бойлерную. Идущие вдоль стен трубы и толстые электрические кабели лишь усиливали это сходство. По пути майор наткнулся еще на две растяжки и сильно изъеденное крысами истлевшее тело сталкера. А также рваную упаковку из-под одноразовых шприцев, брошенную тут, судя по всему, совсем недавно.

Спустившись по невысокой железной лесенке в «бойлерную», интродер отключил «Ноктюрн», поскольку обнаружил в дальнем углу помещения источник света. Им оказался прицепленный к трубам и направленный вниз большой армейский фонарь с почти разряженным аккумулятором, освещающий под собой пятачок в несколько квадратных метров. На этом пятачке неподвижно лежали на полу или сидели, прислонившись к стене, шестеро человек. Все они казались издали либо спящими, либо мертвыми. Их вещи были свалены рядом в кучу, но оружие у каждого из членов этой компании находилось под рукой.

Судя по внешнему виду, не проявляющая признаков жизни шестерка больше смахивала на бандитов, чем на сталкеров. Майор припомнил девяностые годы прошлого столетия, когда в мелкокриминальной среде вроде рыночных рэкетилов и уличных гопников было модно расхаживать в аляповатых спортивных костюмах и кожаных куртках, ставших чуть ли не рабочей униформой сей плечистой, коротко стриженной публики. Занятно, что в Зоне бандиты вспом-

нили эту, казалось бы, давно забытую моду, одеваясь так, словно прибыли сюда на машине времени прямоком из девяностых. («Эта шпана любит называть себя пацанами! – саркастически заметил насчет них в давешней беседе с майором Сидорович. – У самих хрен в трехлитровую банку давно не влезает, а до сих пор – ишь ты – пацаны! И когда ж они, в конце концов, повзрослеют?...»)

Впрочем, делали они это не только из-за ностальгии по золотым для них денькам. Возродив традицию двадцатилетней давности, здешние гопники стали таким образом на расстоянии отличать «своего брата» от обычных сталкеров, сведя на нет вероятность непредумышленных «межпацанских» конфликтов. А сталкеры, завидев издали любого скитальца в характерном бандитском «прикиде», взяли в привычку без раздумий открывать огонь на поражение. Но это неудобство бандиты могли стерпеть. Куда важнее было то, что если теперь местная братва и стреляла друг в друга, то уже намеренно, а не по ошибке.

Майор подкрался поближе к расположившейся под тусклым фонарем компании и обратил внимание еще на ряд любопытных деталей. Помимо оружия, возле бандитов валялись использованные шприцы, на расстеленной здесь же газете стояла незажженная спиртовка, а у двух членов «криминального секстета» были закатаны рукава. Также у стены валялся моток стальной проволоки и баночка черной нитрокраски.

Кальтер хмыкнул: ну что ж, вот и разгадка. Собранных им деталей было вполне достаточно, чтобы сложить из них целостную картину. Обычная банда наркоманов, которые подыскали и обустроили себе безопасное местечко, чтобы ширнуться и заодно переждать выброс. Героин и подобные ему тяжелые наркотики среди сталкеров, да и большинства бандитов тоже, не в чести. Когда тебе каждый день требуется доза, по Зоне много не походишь. Проверено не раз и не два. «Ужаленный» сталкер – потенциальный покойник. И не только потому, что страдает рассеянным вниманием и неадекватно реагирует на внешние раздражители. Давно доказано, что вкупе с радиоактивным аномальное излучение Зоны и непреходящее чувство опасности коверкает психику даже абсолютно здорового человека. Чего уж говорить про наркомана, чья психика и без того пребывает в плачевном состоянии.

И не счесть, сколько таких самоуверенных «торчков» пыталось бросить вызов Зоне, накачиваясь мощнейшими стимуляторами и надеясь под их воздействием преодолеть здешние опасности: чуют за километр аномалии, бегать быстрее псевдопсов, драться голыми руками с кровососами, вступать в ментальный поединок с контролером. Не выгорело. Зона, один черт, оказывалась хитрее, быстрее и сильнее, вмиг осаживая любого зарвавшегося наглеца. Поэтому опытные сталкеры и доверяли единственной проверенной временем тактике: «Не спеши и осмотришься». Приверженцев только такого поведения Зона соглашалась терпеть на своей территории, давая им шанс выжить. Все остальные были обречены на гибель, едва пересекали периметр.

Как долго обитали в Зоне встреченные Кальтером бандиты, неизвестно. Но, похоже, они нашли оптимальный вариант совмещения несовместимого и предавались своей страсти, отгородившись от местных перипетий в неприступном бункере. Конечно, далеко не от всех. Вероятнее всего, этих «пацанов» убила бы внезапно возникшая в их логове аномалия или проползший по потолку цепкий снорк, нежели человек, от вторжения коего пытались оградить себя бандиты. Однако судьба распорядилась иначе, послав им в качестве незваного гостя не снорка, а интродера Ведомства – тоже, по сути, разумного монстра, но все равно несравнимого по проворству и злобе с уникальной фауной Зоны.

Когда Кальтер определил, что «дети подземелья» совершенно невменяемы, он подкрался к ним ближе, затем – еще и еще, пока не остановился возле прислонившегося к стене типа с поникшей на грудь головой и закатанным рукавом. Ушедший в нирвану, бандит еле слышно бормотал под нос какую-то белиберду: то ли читал стихи, то ли о чем-то спорил сам с собой. Кальтер мог бы легко поставить точку в этом споре одним ударом ножа. Но банда обдолбанных

в ноль наркоманов не представляла для майора явной угрозы, и он решил не тратить время на то, что вскоре так или иначе за него сделает Зона.

Однако, осмотрев ведущую в глубь катакомб дверь, Кальтер понял, что миновать ее незаметно у него не выйдет. Стальная пуленепробиваемая дверь некогда обладала надежным запорным механизмом, наподобие тех, какими блокируются люки корабельных отсеков. Но сегодня вся эта система вместе с управляющим ею штурвальным колесом не функционировала. То ли ее искорежили ломом, то ли здесь приложил лапу невероятно сильный мутант, но самой двери эти разрушения не коснулись. Разумеется, занявшие подвал бандиты не стали бросать ее нараспашку и заменили сложный замок обычным швеллером. Массивная, не меньше сантиметра, железная балка упиралась одним концом в штурвальную ось, а другим – в выемку на бетонном полу. А для надежности швеллер был еще и как следует осажён кувалдой, отчего не просто подпирал собой дверь, а накрепко заклинивал ее в проеме не хуже запора. Инструмент, коим воспользовались для этого хозяева «бойлерной», валялся здесь же, в шаге от импровизированного блокиратора.

Майор осмотрел препятствие и определил, что убрать балку по-тихому у него при всем старании не выйдет. Бандиты поработали на совесть, поскольку явно не планировали оставлять этот выход даже в качестве резервного. Чтобы выбить швеллер, по нему следовало нанести как минимум дюжину ударов той же кувалдой. Но ни в коем случае не взрывать. Взрыв мог намертво перекосить тяжелую дверь в проеме, что отрезало бы майора от цели и, не исключено, насторожило бы военных. А удары молотом по швеллеру неминуемо грозили переполюсовать хозяев. Насколько глубоко ни погрузились те в наркотическую эйфорию, волей-неволей очнешься, когда у тебя под ухом разразится оглушительный набат.

Ирония судьбы: стать жертвой не собственной безалаберности, а наоборот – образцового соблюдения мер предосторожности. Оставь бандиты дверь открытой или хотя бы заблокируй ее не так тщательно, возможно, им посчастливилось бы прожить в Зоне еще какой-то срок. Но, вынудив Кальтера взяться за кувалду, они автоматически подписали свой смертный приговор, включив себя в интродерский список случайных «помех» – немаркированных, если пользоваться терминологией Ведомства.

«ВМК» громко чихнула шесть раз подряд с короткими интервалами, всего за шесть секунд упростив интродеру решение проблемы запертой двери. Шесть выстрелов – шесть трюпов... Ничего такого, что причинило бы Кальтеру неудобство или заставило его руку дрогнуть. И ничего, что отложилось бы в памяти майора грузом ненужных воспоминаний...

Глава 4

...Ему доводилось заниматься и более гнусными вещами, чем хладнокровный расстрел невменяемых наркоманов. Майор не раз и не два оказывался в подобной ситуации, но не помнил подробностей ни одной из них. Напрочь забывал еще до того, как остывал ствол его винтовки. Человеческому разуму свойственно ограждать себя от неприятных воспоминаний, что могли разрушительным образом сказаться на рассудке. Натренированная память Кальтера была способна подвергаться подобному выборочному «форматированию» в любое время и в любой обстановке. А тем более когда он находился в командировке.

Вовремя забыл то, что отвлекает тебя от выполнения поставленной задачи, – значит, увеличил шансы выполнить ее и вернуться живым. Побеждает тот, кто не колеблется. Спецотдел «Мизантроп» проводил отбор своих оперативников, исходя из такого критерия, и майор не был в этом плане исключением. Прежде чем приступить к подготовке, Кальтер – в те годы еще простой лейтенант Костя Куприянов, молодой, но уже успевший повоевать в паре горячих точек, – побывал вместе с другими кандидатами в учебном центре, где тренировались анти-террористические подразделения МВД. Вступительное тестирование будущих «мизантропов» было с подвохом, и почти все претенденты, в том числе и Куприянов, об этом догадывались. Поэтому были готовы к любым неожиданностям. Однако что именно требовалось Ведомству от лейтенанта, он понял лишь тогда, когда очутился на стрелковом полигоне с винтовкой, заряженной боевыми патронами. И понял правильно, став единственным из тридцати соискателей, принятых в тот год на службу в «Мизантроп».

Кандидаты знали о своей будущей службе немного, поскольку все они были отправлены на тесты в приказном порядке. Лейтенант Куприянов немало удивился, когда до него был доведен этот приказ. Никаких особых заслуг за ним не числилось – обычный командир полкового разведвзвода, не рвущийся вперед, но и не отстающий. В общем, типичный исполнитель, добросовестно относящийся к служебным обязанностям. Чем был вызван повышенный интерес к молодому комвзвода со стороны незнакомого ему в ту пору Ведомства, Куприянов понятия не имел. Со временем он, конечно, догадался, что Ведомство следило за ним еще с самой «учебки», внимательно изучив всю подноготную лейтенанта, его психологический портрет и продолжая наблюдать за началом его военной карьеры. И, разумеется, делая на основе этих наблюдений необходимые выводы, понемногу определяющие судьбу будущего «мизантропа».

Информация, которую довели до лейтенанта перед началом отборочных тестов, была предельно скупой и гласила, что ему придется заниматься разведывательно-диверсионной деятельностью в полевых условиях и преимущественно за границей. Куприянов пожал плечами: почему бы и нет? В любом случае такая служба импонировала ему больше, нежели командование солдатами-срочниками и жизнь по обрыдлому гарнизонному распорядку. Инициатива Ведомства оказалась весьма своевременной – еще год-другой, и комвзвода наверняка окончательно разочаровался бы в воинской службе. Что ни говори, а всегда приятно считать себя кем-то особым, избранным из множества других офицеров для опять-таки особой работы. И Куприянов задался целью любой ценой подтвердить, что он достоин оказанного ему доверия, ведь когда еще представится такой случай? Некоторые сослуживцы лейтенанта заваливают командование рапортами о переводе их на службу в специальные подразделения, и все без толку. А он, командир полкового разведвзвода, ни о чем таком не просил, а ему пожалуйста – персональное приглашение. Поэтому кровь из носу, а надо поднапрячься и попытать счастья, пока окончательно не пропала охота связать свою жизнь с армией.

В чем крылась уникальность молодого лейтенанта и почему он оказался единственным, кому выпала честь пройти этот заковыристый отборочный конкурс? Наверное, в том, что, несмотря на молодость, он уже относился к жизни достаточно трезво и отлично представлял

специфику своей будущей службы. Диверсанты не освобождают заложников, не эвакуируют мирных жителей из районов боевых действий и вообще не встают на защиту гражданского населения, если это хоть в малейшей степени препятствует исполнению полученного приказа. Нигде и никогда. Находясь на вражеской территории и утратив из-за ранения боеспособность, диверсант делает все возможное, чтобы не стать обузой своему напарнику (не товарищу, ибо хладнокровным исполнителям было запрещено связывать себя с кем бы то ни было товарищескими узами). И более того, не имея сил пустить себе пулю в лоб, диверсант может всегда рассчитывать, что напарник без колебаний поможет ему в этом. Надежное плечо товарища по оружию, чувство локтя, боевое братство, один за всех и все за одного – это законы другого мира. Диверсант живет по своему уставу и готов на пути к цели принести в жертву всех своих напарников. Равно как и сам пожертвовать собой, если командир группы отдаст такой приказ. Зная о том, что никто и никогда не придет ему на помощь, диверсант всегда и везде полагается только на себя. А если и помогает угодившему в беду напарнику, то лишь в случае, когда шанс спасти того целым и невредимым достаточно высок и не подвергает чрезмерному риску жизнь самого спасающего. Куприянов был уверен: все, чему его учили в полковой разведке, в Ведомстве ему придется забыть. Вплоть до полного пересмотра собственного мировоззрения и расстановки в другом порядке приоритета жизненных ценностей.

Никто заранее не знакомил Куприянова со специфическими принципами его будущей службы. До всего этого он дошел своим умом, прежде чем его и прочих кандидатов привезли в учебный центр спецназа МВД на предварительный отбор. А насколько правильными были выводы лейтенанта, как раз и показали те приснопамятные стрельбы. От кандидатов требовалось лишь одно – пройти штурмовую полосу, стреляя по периодически выскакивающим из-за препятствий мишеням. Без каких-либо дополнительных условий. Для бравых парней, что удостоились внимания могучего Ведомства, – плевое дело.

Казалось бы – ординарное испытание, с которым фактически справился каждый из тридцати испытуемых. Все они проходили полосу поодиночке и не видели, как это делают остальные претенденты. Результаты стрельб тоже оглашались в индивидуальном порядке.

Вызванный проверочной комиссией для подведения итогов, Куприянов узнал, что он пришел к финишу восемнадцатым. А по количеству набранных штрафных баллов – так и вовсе последним. Однако после оглашения кандидату результатов теста в глазах лейтенанта читалось не поражение, а напряженное ожидание. Для Куприянова это был момент истины. Догадался он на самом деле или нет, что от него требовалось?

«Вас не огорчают ваши скромные показатели, лейтенант?» – поинтересовался председатель комиссии – пожилой сухопарый полковник с колючим неприятным взглядом.

«Так точно, огорчают, – ответил Куприянов. – Полагаю, я мог бы постараться и пройти штурмовую полосу быстрее».

«Вы разочарованы вашей скоростью и только? – изобразил недоумение полковник. – А как же результаты вашей стрельбы? Вы набрали такое чудовищное количество штрафных баллов, сколько на этом полигоне на моей памяти еще не набирал никто!»

«Я всего лишь выполнял приказ инструктора», – как ни в чем не бывало пояснил лейтенант.

«Хотите сказать, что это инструктор приказал вам учинять массовый геноцид, стреляя по старикам, женщинам и детям?» – гневно осведомился председатель комиссии.

«Никак нет, – не изменившись в лице, ответил Куприянов, после чего уточнил: – Инструктор приказал мне преодолеть штурмовую полосу и поразить все мишени. Что я и сделал. Инструктор не уточнял, по каким мишеням разрешено стрелять, а по каким запрещено».

«А разве вы сами не могли об этом догадаться?» – продолжал допытываться председатель, не сводя с Куприянова цепкого, пронизывающего взгляда.

«При всем уважении, товарищ полковник, – виноват, но я не понимаю, в чем вы меня обвиняете. – На лице лейтенанта не дрогнул ни единый мускул, а в голосе не было ни капли смятения. – Когда мне приказывают поразить мишень, я стараюсь поразить ее как можно быстрее и точнее. Что при этом нарисовано на мишени, меня совершенно не волнует».

«Записи показывают идентичное время вашей реакции в момент, когда вы стреляли по снайперу в окне высотного здания и по группе детей, что выбежала вам навстречу. Увидев их, вы что же, совершенно ничего не почувствовали?»

«Так точно, товарищ полковник: не почувствовал. Я стрелял по мишеням. Так приказал инструктор, – в который уже раз повторил лейтенант. – Картонная группа детей являлась мишенью. Точно такой же, как вырезанная из картона фигура снайпера».

«Хорошо, тогда давайте предположим, что полигон был настоящим городом, а все ваши мишени – живыми людьми, – хитро прищурился полковник. – И инструктор приказал вам перебить их всех. Ваши действия в такой ситуации?»

«Мои действия в данной ситуации ничем не отличались бы от моих действий на стрельбище, – ответил Куприянов. – Если бы я колебался при выполнении приказов, меня не пригласили бы на это тестирование. Во время выполнения задач, которыми, согласно доведенной до меня информации, мне предстоит заниматься, могут возникнуть любые непредвиденные эксцессы, аналогичные тем, что моделировались на этом полигоне. Мне будет некогда разбираться, какие из них – случайности, а какие нарочно инспирированы врагом, чтобы ввести меня в замешательство. И если я впаду в замешательство, значит, уловка врага удалась. А это может повлечь за собой провал всей операции. Приказ об уничтожении жителей целого города не отдается без веской причины. Возможно, все они заражены опасной болезнью, распространение которой необходимо пресечь радикальными методами. Возможно, карательная акция направлена на то, чтобы выманить из укрытия какого-нибудь террориста международного масштаба, на чьем счету жертв многократно больше. А возможно, операция являет собой акт показательного возмездия или превентивный удар, направленный на то, чтобы предотвратить готовящуюся вражескую операцию. Только мне – исполнителю – знать эти подробности абсолютно не обязательно. Эмоции и колебание – это слабость, которой стремится воспользоваться враг. Я не собираюсь давать ему такой шанс, потому что не люблю проигрывать. Если, находясь в заграничной командировке, я не буду доверять приказам своего командования, кому в этом случае я вообще должен тогда доверять?»

На лице председателя комиссии появилась многозначительная ухмылка, а ровно через две недели уже старший лейтенант Куприянов спускался по трапу самолета в аэропорту Барнаула, откуда новоиспеченный курсант Ведомства должен был отправиться на второй этап тестирования в учебный центр спецотдела «Мизантроп», расположенный на юге края, в горах, на границе с Казахстаном. Из остальных двадцати девяти кандидатов лишь пятерым удалось остаться в Ведомстве, однако ни с кем из них Куприянов с тех пор не встречался...

Если удары кувалдой по швеллеру и были слышны на южном выходе из катакомб, вряд ли военные придали значение раздавшемуся из-под земли далекому непродолжительному набату. Убрав со своего пути преграду, Кальтер открыл скрипучую дверь, включил «Ноктюрн» и осторожно выглянул из «бойлерной» в неизвестность, которая тут же приняла вид очередной вертикальной шахты с уходящей вниз винтовой лестницей. Правда, неглубоко. Лестница делала один виток и упиралась в другую дверь, расположенную аккурат под той, что майор сейчас открыл. Катакомбы опускались еще на один ярус, и поскольку на этом уровне больше никаких помещений не было, следовательно, искомые майором тоннели пролегали где-то глубже. Хотелось надеяться, что сразу под «бойлерной», – Кальтеру не терпелось поскорее взять верный курс и уже никуда с него не сворачивать.

За дверью оказалась небольшая железная площадка. Поперек нее была установлена еще одна растяжка – сюрприз для тех, кто хотел незаметно подкрасться к двери с обратной стороны и проверить ее на прочность. Интродер ликвидировал бандитскую ловушку, после чего спустился по лестнице на нижний уровень и перебросил болт через порог открытой двери. Затем взял «ВМК» на изготовку и шагнул туда сам.

Похоже, это и был один из нужных Кальтеру тоннелей, и интродер находился в самом его начале. Широкий, но низкий коридор с проложенными вдоль стен, идущими от «бойлерной» кабелями и трубами поворачивал вправо, а где заканчивался, разглядеть не удавалось. Кальтер, крадучись, добрал до первого поворота и увидел, что тоннель продолжает изгибаться в том же направлении. Очевидно, его проходчики наткнулись под землей на скалу и, не мудрствуя лукаво, решили ее обогнуть. А также интродер, к своему великому огорчению, обнаружил еще кое-что: целый «выводок» аномалий, которые по неизвестной причине облюбовали коридор, словно им тут было медом намазано.

Вдоль стен пузырилось несколько клякс зеленого фосфоресцирующего желе, прозванного сталкерами «Киселем». «Кисели» будто расступались, предоставляя почетное место в центре коридора плюющимся молниями мерзавкам по имени «Электра». Те разместились друг за другом рядком и аритмично пульсировали электрическими разрядами, разве что искр при этом не высекали.

Благодаря скоплению светящихся аномалий в тоннеле было достаточно светло, и майор снова отключил «Ноктюрн». Приехали... Путь закрыт, а альтернативного прохода поблизости не наблюдается. Топать по «Киселям» означало вмиг сжечь себе до костей лодыжки. Зеленая пузырящаяся зараза была сравнима по едкости с «царской водкой» – коктейлем из азотной и соляной кислот, растворявшем даже такие кислотостойкие металлы, как золото и платина. Двигаться через пульсирующие молниями «Электры» было не менее рискованно – все равно что плеснуть ведро воды на высоковольтный трансформатор и надеяться успеть отскочить до того, как тебя шархнет электротоком. Теоретически шанс избежать превращения в обугленный труп у Кальтера был. Ему следовало лишь рассчитать алгоритм пульсации аномалий и попробовать проскочить в то и дело возникающие между ними «затишья». Но практически все упиралось в то, что «Электры» меняли алгоритм своего мерцания в абсолютно бессистемном порядке. Поэтому ни о каких расчетах в столь непредсказуемом деле нельзя было и заикаться.

Кальтер замер на месте, наблюдая за причудливой игрой света в тоннеле и не решаясь идти на попятную. Руки у майора так и чесались метнуть болт в скопление аномалий – ради чисто познавательного интереса. Однако не стоило особого труда вообразить, какую «электро-кисельную» бурю вызовет в коридоре эта хулиганская выходка. Нет уж, пожалуй, лучше воздержаться от рискованных экспериментов и, не тратя времени, вернуться на поверхность, а затем попытаться проникнуть в исследовательский центр поверху. Пока еще не стемнело и Зона не превратилась для интродера в одну гигантскую ловушку.

Впрочем, стоп, – отставить бегство! Вдоль левой стены коридора, прямо под потолком, шел толстый, покрытый резиновой изоляцией кабель. Он крепился к потолку достаточно прочными скобами, и майор, допрыгнув до кабеля, мог бы ползти по нему, как по канатной переправе. Таким способом Кальтеру, вероятно, удалось бы пробраться над кляксами агрессивного «Киселя». С «Электрами» дело обстояло посложнее, хотя, ежели присмотреться... Их молнии стегали в потолок, стелились по полу, будто дергающийся фосфоресцирующий выюн, но что характерно – до стен добивали редко. И потому не исключено, что в тоннеле рядом с аномалиями все-таки оставалось некоторое безопасное пространство.

Что ж, делать нечего, придется метать болт. Отойдя на безопасное расстояние, Кальтер переложил «индикатор» в левую руку и размашистым броском от колена швырнул болт так, чтобы траектория его полета пролегла практически впритирку к стене, чуть ниже кабеля. И приготовился к светопреставлению. То-то сейчас начнется парад спецэффектов!..

Но нет: пролетев над двумя «Киселями» и мимо трех «Электр», болт скребанул по стене – лететь параллельно ей в изогнутом коридоре он попросту не мог – и шмякнулся на пол. После чего подпрыгнул и остановился, не докатившись до очередной зеленой кляксы считанные сантиметры. Напрягшийся в ожидании худшего, интродер еще немного постоял, затаив дыхание. А потом, обретя уверенность, подпрыгнул, ухватился за идущий под потолком тоннеля кабель руками и ногами и покарабкался по нему. Перво-наперво Кальтер планировал пробраться в глубь коридора на расстояние полета болта, а дальше – смотря по обстоятельствам.

Стартовый этап своего акробатического маршрута майор преодолел удачно. Полтора десятка метров он карабкался по-обезьяны, стараясь не глядеть ни вниз, ни влево. «Кисели» плевались пузырями, словно пытаясь дотянуться до обхитрившего их человека. А буквально в шаге от Кальтера яростно сверкали молнии. Они наэлектризовали спертую атмосферу тоннеля настолько, что, казалось, еще немного, и воздух взорвется у интродера прямо в легких. Майор полз вперед и только вперед до тех пор, пока не обнаружил на потолке перед носом загодя примеченную выбоину. Под ней и лежал на полу брошенный Кальтером болт.

Отцепившись от кабеля, интродер спрыгнул на пол и крепко прижался лопатками к стене, боясь отступить от нее и на полшага. Верхолаз даже не стал подбирать болт – слишком близко лежал тот от кипящего зеленого студня. Пришлось достать новый, дабы повторить проверку. На следующем участке маршрута «Киселей» также хватало, и о передвижении бочком вдоль стены не могло идти и речи.

На сей раз болт был брошен удачнее, и интродер покрыл в два раза большее расстояние, чем во время стартовой попытки. Хотелось пить, но не хотелось делать лишних движений, снимая фляжку с пояса и возясь с ней вблизи аномальных очагов электричества, – кто знает, чем это могло быть чревато? Кальтер решил, что утолит жажду, когда достигнет конечной цели, которая была уже отчетливо различима за всполохами аномалий. От места второго привала и до конца коридора оставался примерно сорокаметровый отрезок пути. Интродер намеревался преодолеть его в два приема. Если, конечно, его не поджарит-таки шальной молнией, что редко, но все же шарахали в стену.

Что находилось за приоткрытой дверью, замеченной интродером в конце коридора, точно рассмотреть не удавалось. Либо там находился очередной зал наподобие «бойлерной», либо коридор просто менял направление, поворачивая направо или налево. В дверной проем смутно просматривался облупленный бок какого-то стального резервуара. Ладно, решил Кальтер, разберемся. После чего вновь ухватился за кабель и пополз над «Киселями», стараясь делать это не спеша и аккуратно, чтобы не зацепить «Электры» даже краешком одежды.

Опасность подкралась к майору оттуда, откуда он ждал ее в последнюю очередь, и не имела к проискам Зоны никакого отношения. Кальтеру оставалось проползти до места очередного привала не более пяти метров, когда удерживающая кабель скоба, которую верхолаз только что миновал, вздрогнула, а от потолка возле нее откололось несколько бетонных крошек. Они осыпались в разлитый внизу «Кисель», сразу же забурливший, как вода в стакане после погружения в нее таблетки шипучего аспирина. Интродер вмиг замер, не двигаясь, но скоба снова шевельнулась и наполовину вылезла из крепежных отверстий.

Еще немного, и Кальтер перемахнул бы через едкую зеленую кляксу, однако, зависнув над ней неподвижно, он рисковал вот-вот сорваться в «Кисель». Причем рисковал в такой же степени, как и продолжая ползти вперед, – в этом случае разболтанная скоба вылетела бы незамедлительно. А пока она замерла вместе с человеком, словно играя с ним в игру, кто продержится в таком состоянии дольше.

Новая порция бетонной крошки упала в растревоженную аномалию, а до ушей майора донеслось зловещее поскрипывание. Скоба миллиметр за миллиметром продолжала вылезать из отверстий, но уже в следующее мгновение она могла взять и напрочь отвалиться. Крепление дало слабину, и полагаться на него было нельзя. И на оторванный от потолка кабель – тоже. Он

грозил под весом человека тут же провиснуть, после чего Кальтера ждало неминуемое купание в «Киселе», из которого интродер может даже не выбираться – выжить после таких ожогов будет нереально.

До следующей скобы, ближайшей более или менее надежной опоры для верхолаза, еще ползти и ползти. Оставался крайний выход – совершить рискованный соскок как можно дальше назад, в надежде, что хватит сил и времени на то, чтобы допрыгнуть до сухого пространства.

Промедление было смерти подобно, и потому интродер не мешкая приступил к реализации своего плана. Отцепив от кабеля ноги, майор повис на руках и резким движением бросил тело назад, а дождавшись, когда оно наберет максимальный разгон, разжал пальцы. Рывок верхолаза окончательно ослабил скобу, и она рухнула с потолка в «Кисель» вместе с удерживаемым ею кабелем. Но Кальтер в этот момент уже пребывал в коротком свободном полете, так что обрушение фрагмента «обезьянней тропы» не причинило интродеру вреда. Но опасность угодить в аномалию от этого ничуть не уменьшилась. Соскок вышел неуклюжим, и чем все в конце концов разрешится, майор не мог предсказать вплоть до самого приземления.

Оно тоже выдалось неудачным – утратившего равновесие Кальтера неудержимо поволокло вперед. Не оказавшись по правую руку от него в стене глубокой выбоины (судя по их количеству на стенах, полу и потоке, давным-давно здесь произошла ураганная перестрелка), за которую сумел ухватиться майор, он точно навернулся бы носом в «Кисель». Однако хвала неизвестному стрелку, чей выстрел из подствольного гранатомета пришелся когда-то именно в этот участок коридора! Промазал или нет тот гранатометчик по своей цели, ныне сказать было нельзя. Но кто бы ни стрелял тогда в это место – сталкер, бандит или спецназовец, – сегодня, по прошествии множества лет, он спас жизнь интродеру Ведомства. За что чудом устоявший на ногах Кальтер сразу же мысленно поблагодарил своего неведомого спасителя. А затем бессиленно привалился к стене и, не вытерпев, снял все-таки дрожащими руками с пояса фляжку и смочил пересохшее горло.

Злобная бурлящая аномалия так и не заполучила себе на ужин человека. Зато сотворила другое мерзкое деяние: начисто отрезала майору путь к отступлению. Провисший пролет кабеля окунулся в «Кисель» и лишился изрядного фрагмента, а иного способа пройти этот участок коридора не существовало. Разве только когда-нибудь, в один прекрасный день, все эти аномалии возьмут и исчезнут... Но даже если подобное и произойдет, то однозначно не сегодня и не завтра.

Оборванный кабель не оставил интродеру выбора. Кальтер собрался с духом и решил было преодолеть финальные метры «обезьянней тропы», как вдруг из двери, к которой он продвигался, раздался раскатистый звериный рык. Ему в ответ сразу же донеслось второе рычание, исторгнутое, судя по всему, глоткой такого же свирепого существа. Перед тем как выйти на финишную прямую, майор собирался проверить крепежную скобу у себя над головой. Но когда услышал сквозь треск и шипение аномалий жуткие звуки, Кальтер оставил эту затею и вновь вжался лопатками в стену. Снимать со спины оружие он, однако, не стал. Какая бы тварь ни показалась сейчас в дверном проеме, между нею и интродером сверкали две «Электры». Выпущенная Кальтером пуля, пройдя сквозь эти всполохи, неминуемо заставит аномалии разрядиться. А они – это не аморфный «Кисель». Даже одна возмущенная «Электра» шарахнет так, что мало не покажется, а если среди ее сестер начнется цепная реакция, то коридор вмиг будет очищен от всех биологических форм жизни, какие скопились в нем с момента последнего электрического шторма.

Кальтер затаил дыхание и прислушался. Рычание повторилось, правда, теперь не так громко. Зато гораздо ближе. Настолько близко, что отчетливо слышалось даже сквозь шумы аномалий. Мутанты – а кому еще, кроме них, оглашать катакомбы криками? – явно передвигались, но звука их шагов чуткие уши интродера не улавливали. Кто бы это мог быть? Снорки? Кровососы? Зомби?

А впрочем, велика ли разница, кого именно скрывает мрак институтских подземелий? За неимением иных путей к свободе Кальтеру в любом случае не избежать столкновения с очередной компанией здешних обитателей. Эти-то твари уж точно не будут сидеть и ждать, когда майор выпустит в башку каждого из них по пуле. И кто бы ни вышел победителем в грядущей схватке, оттягивать ее начало не имеет смысла. Да и глупо прятаться от мутантов среди аномалий. Так или иначе, но для борьбы с первыми у Кальтера имелось куда больше средств, нежели для защиты от вторых.

Какие-то смутные тени промелькнули в дверном проеме на фоне уже замеченного интродером резервуара. Или это всего лишь обман зрения, вызванный всполохами аномалий?... Кальтер пригляделся: нет, не почудилось – кто-то едва заметный действительно маячит у двери, ожидая, когда жертва покинет коридор. Рассмотреть себя враг, конечно, не позволит – он и без того допустил ошибку, предупредив человека о своем присутствии рычанием. Хотя какая это, к чертовой матери, ошибка? Сильный противник может позволить себе припугнуть слабого, чтобы сделать охоту за ним более увлекательной. Разве интересно просто выпрыгнуть из засады и перегрызть жертве горло? Ходили бы они здесь толпами, тогда, возможно, и да. Но, к сожалению членов местного «общества сталкероловов», подавляющую часть времени им приходилось маяться в темноте от скуки, отлавливая крыс и прочих мелких мутантов.

Резервуар... Первое, на что наткнется Кальтер, переступив порог темного помещения. Подобравшись поближе, майор смог разглядеть эту массивную конструкцию более подробно. Огромная – диаметром около трех метров и неизвестно какой длины, – горизонтально лежащая цистерна. Хотя нет: судя по манометру, что торчал из ее покатога бока, и расположенному там же высокопрочному смотровому окошечку, перед майором – не цистерна, а паровой котел. Ну, да это мелочи. Главное, к нему приварено множество всяких патрубков и лючков, чтобы интродер сумел быстро взобраться на агрегат и занять таким образом удобную для обороны позицию. Нужно лишь успеть пробежать эти несколько шагов, что разделяли котел и вход.

Желая поскорее выбраться из едва не переварившей его заживо утробы коридора, майор вскочил на свою «обезьянью тропу» и взялся преодолевать финишную двадцатиметровку. Он не волновался насчет того, что мутанты захватят его в таком затруднительном положении. Безусловно, разумные обитатели подземелий знакомы с аномалиями и вряд ли суют свои носы в этот тоннель. Единственная подлянка, которую мутанты могут устроить Кальтеру, это швырнуть в коридор какую-нибудь хреновину и активировать «Электры». Но тогда жертва сорвется с кабеля и останется лежать мертвой в недостижимости от охотников, а ведь им наверняка страсть как хочется полакомиться свежатиной. Поэтому, если местные мутанты и впрямь разумны, они воздержатся от подобных глупостей.

Соскочив на пол, майор не стал с ходу врываться в «котельную», а решил сначала перевести дух и уселся на корточки в углу. Дотянуться до него через дверь мутанты не могли – сомнительно, что их руки обладали такой устрашающей длиной. Однако злобная парочка находилась где-то возле входа. Кальтер слышал, как монстры рыкают и фыркают по ту сторону стены, буквально у него за спиной. Иного шума охотники не издавали, хотя, судя по голосам, то и дело перемещались с места на место.

Да, на сей раз противник Кальтера отличался особой хитростью и свирепостью. Майор чувствовал это еще до того, как столкнулся с ним нос к... рылу. Стремительный снарок, что едва не прикончил интродера на Кордоне, тоже был грозен, но тот во время своих гигантских прыжков хотя бы шумел. Значит, в «котельной» хозяйничали не носители рваных противогазов. В загроможденном железным оборудованием помещении снарки вели бы себя не тише, чем резвящиеся шимпанзе в клетке зоопарка. Впрочем, что мешало Зоне подкорректировать видовое разнообразие своей фауны и породить на свет снарка-тихоню? Эволюция мутантов не поддавалась логическому анализу, а протекала она бешеными и непрогнозируемыми темпами. Ученые сбивались с ног, пытаясь угнаться за изменчивой Зоной и выработать в отношении нее

хотя бы приблизительную эволюционную концепцию. Куда там! Зона словно издевалась над земной наукой: подбрасывала ей сюрпризы один невероятнее другого и заставляла исследователей, будто слепых котят, тыкаться в поисках отгадок.

Интродер достал из кармана разгрузки похожий на измерительную рулетку черный кругляш с торчащим из него кольцом, потом бочком подкрался к двери, прислушался, а затем вырвал из кругляша предохранительное кольцо и швырнул световую гранату в дверной проем. После чего отступил на шаг назад и зажмурил глаза, для пущей безопасности закрыв их еще и ладонями.

Лаборатория Ведомства не зря назвала эту модель световой гранаты «Сверхновой». Заряженный в нее высокотемпературный воспламеняющийся состав порождал такую яркую вспышку, что она не просто ослепляла на какое-то время врага, а полностью выжигала ему сетчатку глаз. Почти как при ядерном взрыве, только в миниатюре. А эта разновидность «Сверхновой» взрывалась практически беззвучно, хотя те ее модели, что рассчитывались и на оглушающий эффект, были гораздо действеннее. У Кальтера имелись в запасе оба варианта «Сверхновых», но поскольку сейчас он подбирался к логову противника, лишний шум был ему не нужен.

Короткое шипение, похожее на срабатывание парового клапана, известило интродера о том, что в «котельной» зажглось и тут же погасло маленькое, но убийственно ослепительное солнце. И пусть в этот момент майор находился за стеной, он все равно почувствовал волну накатившего на него тепла. Свет от вспышки «Сверхновой» ворвался в двери, отразился от стен коридора и угодил-таки на Кальтера. Но он предвидел такие последствия и потому заранее предпринял необходимые меры безопасности.

Дружный рев мутантов дал понять, что глаза у обитающих во мраке тварей все же имелись и зрение их было подвержено как минимум раздражению. Насколько эффективной выдалась атака майора, трудно сказать, но время для захвата выгодной огневой позиции он отыграл. Включив «Ноктюрн», Кальтер ворвался в зал и без оглядки метнулся к паровому котлу. Затем, используя патрубки и лючки в качестве уступов, быстро вскарабкался на верхушку резервуара, принял изготовку для стрельбы с колена и только после этого произвел оперативную оценку обстановки.

«Котельная» являлась не залом, а скорее очередным тоннелем, гораздо более широким и высоким, чем пройденный Кальтером коридор, и протянулась в длину метров на двести. Помимо отвоеванного майором котла здесь также находилось много другого оборудования: открытые бассейны-резервуары, краны-балки, мощные электродвигатели, насосы, радиаторы и вытяжные турбины, чьи спиралевидные кожухи походили во мраке на раковины огромных аммонитов. Все коммуникации – кабели, трубы и коробчатая вентиляционная система – располагались у правой стены тоннеля. На левой висели раздолбанные электрощиты и кнопочные пульты управления громоздкими агрегатами. У дальней стены предлинного цеха флуоресцировало несколько «Киселей», но «Электры» почему-то этим помещением брезговали. Впрочем, каковы гарантии, что вместо них тут не прячутся другие, не столь заметные аномалии?

Занятая высота и зоркий «Ноктюрн» позволяли майору держать под контролем почти весь тоннель. Однако рассекреченные Кальтером враги куда-то запропастились, хотя их гневное рычание не умолкало ни на секунду. И не было бы в этом ничего особенного, скройся мутанты где-нибудь за агрегатами и пугай человека своим рыком оттуда. Интродера настораживало другое. Судя по характеру звуков, монстры продолжали перемещаться по тоннелю. Причем делали это зигзагами, словно видели нацеленную на них винтовку и не давали стрелку взять себя на мушку. А вот майор водил стволом «ВМК» направо-налево, но ни одной цели так и не засек.

Зато теперь отлично понял, с кем имеет дело.

Кровососы! Эти чертовы вампиры Зоны, прожорливые до такой степени, что высасывают у человека без остатка не только кровь, но и все прочие жидкости организма. Насколько сильны, настолько и свирепы. В отличие от снарка, не могут так высоко прыгать, зато быстро бегают и не страдают от «комплекса неполноценности». Но, пожалуй, главный боевой козырь кровососов – их умение становиться невидимыми. (Отчего небось «стеснительные» снарки им всегда завидовали: скрыть свое уродство, превратившись в невидимку, – это вам не противогаз на голову натянуть.) Идеальный камуфляж из всех, что только существуют в природе. Плюс к этому умение беззвучно перемещаться. И если бы вдобавок кровососы еще помалкивали, Кальтер и вовсе решил бы, что они удрали из этого тоннеля. Но они не удрали, а собирались поквитаться с мерзким человеком, что расшвырялся здесь своими сверкающими штуковинами.

Было бы слишком самонадеянно уповать на то, что «Сверхновая» ослепила обитателей катакомб, – что вообще Кальтер знал об органах зрения кровососов? Все, что он сделал, это лишь отыграл у них маленькую фору и теперь готовился с выгодной позиции шпиговать тварей свинцом. У интродера в арсенале имелись бронебойно-зажигательные пули, но майор ограничился стандартными патронами. Во-первых, не факт, что огонь нанесет мутантам дополнительный урон, и, во-вторых, «зажигалки» при попадании взрывались, а Кальтер все еще не терял надежды добраться до «Агропрома» незамеченным.

Будь кровососы теплокровными, как человек, майор быстро рассекретил бы их при помощи инфракрасного тепловизора. Но холодная кожа мутантов, способных вдобавок переходить в режим «стелс», не позволяла отыскать их в темноте этим сканером. Оставив бесплодные попытки рассмотреть цели, Кальтер решил стрелять на звук, тем более что рык монстров доносился уже с довольно близкого расстояния.

Вновь рычание – на сей раз слева, около входа. И вроде бы там же мелькнуло едва уловимое движение... Пребывающий настороже, майор мгновенно всадил туда несколько пуль, стреляя так, чтобы накрыть все секторы вероятного перемещения монстра. И, кажется, попал! Кальтер отчетливо заметил, как в пяти шагах от котла буквально из пустоты возникла и тут же пропала уродливая, но почти человеческая, долговязая фигура. Но главное, майор успел проследить, куда она двигалась! И потому следующая короткая очередь была выпущена им на опережение и в уверенности, что теперь-то количество попаданий непременно повысится.

Действительно, мутант «замерцал» и полностью утратил невидимость. Чем подтвердил версию некоторых ученых о том, что режим «стелс» отнимает у кровососов чересчур много энергии, отчего, получив серьезные ранения, те перестают сливаться с окружающей средой, пока полностью не восстановят силы. Этот отведавший свинца монстр уже не сумел вернуть себе свой камуфляж. Но и Кальтеру, к несчастью, не удалось закрепить достигнутое преимущество. Тварь противно заверещала и шустро ушла из-под огня, сиганув за массивный агрегат, напоминающий небольшую плавильную печь.

«Чертов урод!» – только и успел подумать Кальтер. А потом что-то врезалось в котел с такой силой, что стоящему на одном колене майору пришлось вскочить на ноги, дабы удерживать равновесие. Удар пришелся в правый бок бочкообразной емкости и на миг ошеломил стрелка. Это невидимый собрат подстреленного кровососа выгадал момент и атаковал человека, когда тот отвлекся на другую цель. Более того, майор не сомневался, что мутанты действовали сообща, как и положено охотящимся стаей разумным хищникам.

Покидать выгодную позицию Кальтер не собирался, пусть она и не отличалась устойчивостью. Полагая, что за отвлекающим маневром непременно последует атака, интродер развернулся направо и приготовился встретить взбирающегося на котел кровососа очередью в упор. Но тот опять продемонстрировал человеку, что определение «разумный» указывает не только на наличие у мутанта мозга, но и на умение этим мозгом пользоваться. Когда майор смекнул,

какую шутку сыграл с ним кровосос, тот успел бесшумно обежать котел и взобраться на него тем же путем, каким минуту назад туда залез человек.

Кальтер среагировал на шум карабкающегося к нему врага и даже успел развернуться, но все равно – произошло это слишком запоздало. Кровосос ухватил своей ручищей майора за щиколотку и рванул его со всей дури вниз. Устоять на шатком котле после такого рывка было невозможно, и интродер полетел на пол, стараясь не выронить оружие и извернуться в полете так, чтобы как можно удачнее упасть на бетон. Благо, вышибив стрелка с огневой позиции, мутант разжал пальцы и позволил жертве грохнуться об пол без постороннего вмешательства.

Впрочем, это была единственная поблажка, допущенная кровососом в отношении человека. Едва Кальтер, сгруппировавшись, приземлился на пол и, совершив перекат назад, снова встал на ноги, как сбросивший его с котла мутант уже с ревом летел на майора, намереваясь устроить тому тотальное обезвоживание организма вкупе с другим членовредительством. Игры в прятки закончились: «осалив» человека, монстр сбросил с себя камуфляж-невидимку и предстал перед майором в истинном обличье.

Вот кому в Зоне следовало бы постесняться своей физиономии, а не снарку, чья уродливая морда являлась все же более человекообразной. Назвать таковым кровососа было уже нельзя: голый, безволосый и покрытый коростой череп; горящие inferнальным светом глаза; куцый, будто отрубленный, нос; и пожалуй, самое мерзкое – отсутствие нижней челюсти, вместо которой висят и шевелятся четыре толстых, длиной с локоть, щупальца. Именно ими кровосос цепляется к телу жертвы, после чего впивается в нее зубами и дарит свой знаменитый «поцелуй взасос». Но перед этим переламывает ей все кости, дабы она была более покладистой. Так что Кальтеру в первую очередь следовало опасаться не оральных ласк кровососа, а его жарких объятий.

Еще не встав как следует на ноги, майор тут же кувырком ушел в сторону, уворачиваясь от «щупальцерылого» чудовища и полагая, что оно не среагирует на финт жертвы и проскочит мимо. Ошибка. Координация у мутанта оказалась намного лучше, чем у человека. Не успел интродер закончить перекат, как тут же заработал сокрушительный удар в плечо. Угоди лапа кровососа Кальтеру в голову, он неминуемо отправился бы в нокаут и, «зацелованный» до смерти, больше из него не вышел.

Не врежся майор лопатками в стену, то кувыркался бы по полу до тех пор, пока окончательно не забыл, где верх, а где – низ. Пуленепробиваемые пластины комбинезона смягчили удар, однако Кальтер все равно не устоял на ногах и, сполз по стене, плюхнулся задницей на бетон, будто присел отдохнуть. Противник, естественно, не зевал и ринулся добивать строптивного человека.

Ухватив майора за плечи, кровосос, будто невесомого, поднял его и повторно впечатал в стену, чтобы как следует встряхнуть жертву и сбить с нее спесь. Не прижми Кальтер подбородок к груди, точно долбанулся бы затылком о кирпичи. Щупальца мутанта уже торчали во все стороны, словно лепестки багрового плотоядного цветка, а из пасти твари раздавалось омерзительное причмокивание и шипение. Кровосос готовился опутать щупальцами интродеру голову и приступить к трапезе, но сначала монстру следовало обезоружить человека. Сухопарая, но мощная длань кровососа отцепилась от плеча Кальтера и метнулась к его винтовке...

А та уже двигалась ей навстречу, словно майор решил капитулировать и сам вручал оружие победителю. Однако, когда пальцы мутанта сомкнулись на стволе «ВМК», та уже смотрела кровососу точно в пасть – маленькую и наполненную множеством мелких иглообразных зубов. А Кальтер вдобавок пихнул винтовку вперед, и не успела тварь ничего сообразить, как винтовочное дуло уже торчало у нее в пасти и вовсю плевалось свинцом.

Выпустив в кровососа почти весь магазин, прижатый к стене Кальтер подтянул колени к груди, уперся ботинками мутанту в живот и, навалившись изо всех сил, оттолкнул от себя

врага, чей затылок был снесен начисто, а шея практически перерублена. Однако, несмотря на это, мертвый монстр до последнего цеплялся за жертву и рухнул лишь тогда, когда она ему в этом поспособствовала.

Яростный рык выскочившего из-за плавильни второго кровососа пронесся по тоннелю. Собрат издохшего мутанта опоздал лишь на несколько секунд, но именно они все и решили. Жертва снова крепко стояла на ногах и была готова сопротивляться.

Подраненная, но не утратившая прыти тварь бросилась на Кальтера в стремительную атаку, но, не добежав до него считанные метры, нарвалась на заряд крупной картечи, выпущенный майором из подствольника. Ураган свинца, что на такой дистанции уложил бы как минимум трех человек, заставил кровососа лишь отпрянуть и ненадолго замешкаться. Крупнокалиберный картечный патрон шарахнул в тоннеле раскатистым грохотом, но сейчас интродеру было не до конспирации. В магазине «ВМК» оставалось очень мало патронов, чтобы задержать кровососа, поэтому пришлось пустить в ход резервное оружие, заблаговременно подготовленное для боя в замкнутом пространстве катакомб.

Ошарашенный картечью мутант быстро пришел в себя, но человек уже не маячил перед ним, а улепетывал в сторону большого и глубокого бассейна. Очевидно, в былые годы этот вделанный в пол открытый резервуар использовался в качестве очистного сооружения. Сегодня он был совершенно сух; лишь на дне его валялся всевозможный хлам, скапливающийся там не иначе как всю последнюю четверть века. Над бассейном возвышался прикрепленный к потолку кран-балка, чей лебедочный механизм был в свое время остановлен в центре направляющего рельса, а крюк болтался над бассейном, словно пребывая в готовности подцепить со дна какой-нибудь мусор. Почему человек рванул именно туда, мутанту было невдомек, но он не собирався позволить жертве удрать чересчур далеко. Нашпигованный картечью, кровосос развернулся и с рычанием пустился вдогонку за убегающим майором.

Кальтер закинул на бегу винтовку за спину и, уйдя в небольшой отрыв от еще не разогнавшегося монстра, достиг резервуарного бортика. А затем, не сбавляя темпа, оттолкнулся от него и сиганул вперед и вверх. Нет, интродер не планировал перепрыгнуть через бассейн – для этого у Кальтера не хватило бы запала. Но дотянуться в прыжке до свисающего над резервуаром лебедочного троса майору удалось без особых усилий. Ухватившись за него в полете (трос этот крепился к крюку через вращающийся блок, и потому фактически майор ухватился не за один трос, а за два), Кальтер повис на кране, раскачиваясь на болтающемся тросе, подобно маятнику. Шустрый прыгун сумел закрепиться достаточно высоко; при желании он мог дотронуться рукой до лебедки, в то время как крюк находился на пару метров ниже его ботинок. Но Кальтер не торопился менять это неудобное положение на более практичное, продолжая висеть на одних руках, защищенных крепкими перчатками, в коих майор полз по «обезьяньей тропе».

Завидев, что вытворила жертва, кровосос победоносно взревел. Набрав скорость, теперь он неся куда быстрее убегающего интродера и готовился наброситься на него, вцепиться когтями и скинуть в бассейн. А уже там, на дне, окончательно разделаться с глупым человеком, решившим, что он может удрать от хозяина этих подземелий.

Толчок, и мутант взмывает в воздух, избрав для прыжка ту же траекторию, что и майор. Кальтер видит несущегося к нему долговязого урода с растопыренными руками и ротовыми щупальцами, с оскаленной пастью и горящими злобными глазками. Интродер знает, что кровосос не промахнется: дистанция для броска просто смехотворная, а весу в твари столько, что она без труда утянет человека за собой вниз. Монстр в этом тоже не сомневается, поэтому и не колеблется. Тем более что жертва к тому же еще и лишилась возможности стрелять...

Однако то, что происходит затем, превращается для кровососа в настоящее откровение. Висевший прямо перед ним человек вдруг разжимает пальцы, но не падает, а всего лишь быстро соскальзывает по тросу, пока не упирается ботинком в блочное колесо крюка. Это останавливает кажущееся неизбежным падение майора и к тому же позволяет качнуть крюк так,

что на пути мутанта вообще не остается никаких препятствий. Тварь пролетает мимо, пытаясь из последних сил развернуться в полете, дабы успеть зацепиться хотя бы за трос. Поздно. Пальцы кровососа лишь задевают его, будто струну контрабаса, после чего монстр с ревом уносится на дно бассейна и врезается в грудь хлама, разметаив его не хуже разорвавшейся гранаты.

Лестницы внутри резервуара нет – видимо, раньше его чистили при помощи съемных стремянок. Вертикальные стальные стенки бассейна не имеют ни выемок, ни выступов и могли бы стать непреодолимой преградой для упавшего в резервуар человека. Впрочем, как выяснилось, и для кровососа тоже. Вскочив на ноги, неистребимая тварь стала, словно ошалелая, кидаться на стену, но так и не сумела дотянуться до бортика. Снорк – тот смог бы, но не кровосос, чья прыгучесть, в сравнении с носителем рваных противогазов, оставляла желать лучшего.

Однако болтающемуся на кране интродеру рановато было праздновать победу. Осознав безвыходность своего положения, мутант вконец остервенел и взялся метать в Кальтера все, что попадалось ему под руку. И пусть с меткостью у кровососа было не ахти, бросаемые им предметы – обломки труб, куски бетона и детали развалившихся механизмов – имели внушительный вес и летели с бешеной скоростью. При таком усердии монстр рано или поздно добился бы своего и пришиб загнавшего его в западню майора.

Под таким жестоким обстрелом Кальтеру некогда было заниматься верхолазанием, карабкаясь по тросу и стойкам крана на пол. Оседлав блочное устройство крюка, интродер прицепился поясным карабином к тросу, снял винтовку и поменял почти пустой магазин на новый. Затем дождался, пока суетящийся внизу кровосос замрет, чтобы замахнуться для очередного броска, и всадил мутанту в голову три короткие очереди подряд. Лишенный половины черепа, монстр рухнул навзничь и в довершение уронил себе на грудь тяжелый кислородный баллон, которым он собирался запустить в маячившую у него над головой цель.

Когда же хруст костей мутанта и звон откатившегося баллона стихли, по катакомбам пронесся вой – долгий, душераздирающий и протяжный. Вот только завывал это уже не мертвый кровосос. Тот, кто исторг и продолжал исторгать из своей глотки жуткие, походившие на воздушную сирену вопли, находился где-то впереди и, похоже, двигался навстречу Кальтеру.

Майор впился пальцами в стальной трос и почувствовал, как шевелятся под капюшоном его подернутые сединой волосы, а *чужой* ветер гонит на него из мрака волны парализующего страха. Если Зона все-таки была живым существом и обладала голосом, сейчас интродер слышал именно ее крик, потому что представить издающего подобные звуки мутанта Кальтер был не в состоянии...

Говорят, у страха глаза велики. Что ж, возможно, за периметром Зоны так оно обычно и бывает, а здесь – в обители существующей наяву всякой аномальной чертовщины – преувеличить собственные страхи невозможно в принципе. Какой только кошмар ни померещился бы вам с перепугу, будьте уверены – это вы еще мало испугались. Когда же причина вашего страха предстанет пред вами во всем своем жутком великолепии, вы сразу поймете, насколько бедное у вас воображение. Реальные чудовища – существа во сто крат более ужасные, нежели их придуманные образы. И дело не только в их отталкивающей внешности и кровожадности. Реальный монстр пугает вас не своей уродливой мордой или клыками, а тем, что пробуждает в глубине вашей души те страхи, которые копились там всю жизнь. И извлекает он их на свет не по одному, а все разом, как рыболов – садок с пойманной рыбой из реки. Вам же в этом случае остается только посочувствовать и пожелать не сойти с ума, глядя на то, как кошмары тянут к вам свои цепкие руки и обступают вас все плотнее и плотнее, не позволяя вырваться из их плена и вновь вдохнуть полной грудью блаженный воздух забвения...

Майор крался по темным тоннелям к выходу из катакомб и переживал именно такие ощущения. Завывающий и вопящий дикими криками мутант (все-таки это был мутант, а не мистический Глас Зоны, как померещилось Кальтеру вначале) находился где-то впереди, и встреча с ним, судя по всему, была неизбежна. Тварь явно знала о приближении человека и об

убитых им кровососах, ведь неспроста же она подала голос в тот момент, когда последний из них испустил дух. Однако бросаться на расправу с интродером крикливый монстр не спешил. Это обстоятельство и тревожило Кальтера. Уж лучше бы чудовище набросилось на него, как все прочие встреченные им мутанты, чем изводило майора своими психическими атаками.

Неужели это и был тот самый одиозный контролер, о котором Кальтеру также доводилось слышать? Наиболее разумный из всех здешних монстров, способный псионическими импульсами своего мозга подчинять себе не только собратьев-мутантов, но и человека, напрочь подавляя его волю и превращая в безмозглую марионетку. А то и попросту выжигая жертве мозги, если в данный момент контролер не нуждался в ее услугах. Поводырь, насильно собирающий вокруг себя паству, готовую ради него на все – стоило лишь повелителю махнуть рукой и указать конкретную цель. Не он ли, случаем, натравил на майора этих кровососов и теперь оплакивал их гибель, оглашая воплями подземелье?

Судя по тому, как эти вопли воздействовали на тренированную психику Кальтера, его догадка была верна. Рычание снорка и кровососов тоже заставляло интродера нервничать, но оно хотя бы не рассредоточивало его внимание – наоборот, стимулировало выброс адреналина и, как следствие этого, – собранность и повышенную боеготовность. Крики скрывающегося в катакомбах мутанта-псионика дезориентировали майора, вызывая из глубин подсознания смутные образы, вроде бы знакомые и в то же время странные, словно вырванные из давно забытых снов. Кальтеру стоило немалого труда игнорировать эти призраки прошлого и держать себя в руках. Больше всего беспокоило то, что борьба с навязчивыми воспоминаниями отнимала внутренние силы, которые следовало без остатка посвятить работе. Но призраки продолжали неумолимо досажать Кальтеру, и потому сдерживать их было необходимо любой ценой. А иначе...

Что будет иначе, майор боялся даже вообразить. Ни с чем подобным он раньше не сталкивался. В Ведомстве работал целый штат высокопрофессиональных психиатров, владеющих техникой гипноза. Они тщательно обследовали интродера после каждой командировки, пытаясь всевозможными способами выявить в нем зарождающийся психологический надлом и определить, не пора ли майору уходить в отставку. Но он продолжал удивлять штатных мозгоправов своим хладнокровием и самообладанием, которые, согласно психиатрическим экспертизам, за годы службы Кальтера в «Мизантропе» не претерпели ни малейших отклонений. При том, что средняя продолжительность службы интродера в качестве полевого оперативника составляла десять-двенадцать лет. Кто-то из собратьев майора попросту не возвращался из командировки, а кто-то после очередного задания забраковывался суровой медкомиссией. Уйти в отставку по возрасту не смог еще ни один «мизантроп». Кальтер не тешил себя иллюзиями и полагал, что и он в данном плане не станет исключением. Просто ему повезло продержаться на этой работе дольше остальных, только и всего.

Призраки забытого прошлого, атакующие интродера под аккомпанемент завываний контролера, могли как раз и являться симптомом психологической усталости Кальтера. Пока еще терпимой, но все-таки уже имеющей место быть. Устоять против псионического воздействия мутанта-сверхтепата не способен никто – именно так сказали майору инструкторы перед заброской в Зону. Поэтому неудивительно, что контролер сумел нащупать в бронированной психике интродера слабинку и начал методично бить по ней, надеясь посеять в душе Кальтера панику.

Но майор не отступал. Южная часть катакомб «Агропрома» была уже не такой прямой, как северная. Ряды параллельных тоннелей, залов и переходов между ними позволяли разойтись с контролером и добраться до цели несколькими альтернативными путями. От интродера требовалось лишь внимательно прислушиваться, откуда доносятся вопли мутанта. И если они вдруг начинали приближаться, срочно менять маршрут таким образом, чтобы сохранять между собой и противником безопасную дистанцию. Исходя из характера криков псио-

ника, двигался он не слишком быстро – примерно со скоростью неспешно бредущего человека. Так что удирать от него не составляло для Кальтера большой проблемы.

Опасность крылась в том, что проклятая тварь знала расположение подвалов намного лучше майора и могла загнать его в тупик. Поэтому, едва он определил, что контролер удалился куда-то в западную часть подземного комплекса, интродер тут же припустил в южном направлении, дабы как можно быстрее достичь выхода. Ради этого майор даже пренебрег принципом «не спеши и осмотришь». Нежелание встречаться с контролером вынуждало Кальтера на минуту отринуть сомнения и положиться на удачу.

Видимо, Госпоже Удаче польстило оказанное ей доверие, и она вознаградила майора за его решительность. Свет, падающий в тоннель из южного колодца, известил интродера о том, что он пересек-таки злосчастные катакомбы. Однако радоваться по этому поводу было рано. Обнаружив долгожданный выход, Кальтер тем не менее не бросился к нему, а, напротив, развернулся и двинул по уже пройденному пути назад, чтобы реализовать кое-какую задумку.

В стене длинного коридора, являющего собой этакую финишную прямую перед южным выходом, имелось пять дверей, аналогичных той, которую Кальтер разблокировал в «бойлерной». Куда ведут четыре из них, майор понятия не имел; знал лишь, что пятая дверь – самая дальняя – отрезает от выхода крайний восточный тоннель, по которому интродер прошел минуту назад. Но не жажда исследования заставила майора вернуться, а желание проверить, в каком состоянии пребывают запоры, коими были оборудованы все ближайшие двери. Не исключено, что кое-какие из них могли уцелеть, хотя их непрезентабельный вид говорил скорее об обратном.

Взявшись за запирающий механизм самой дальней от выхода двери, Кальтер с удовлетворением отметил, что замок легко поддается его усилиям и, мало того, даже смазан автомобильным маслом. Явно перед тем, как заминировать колодец, военные тоже предпочли на всякий случай перекрыть эту дверь, но кто-то – наверняка разумный мутант-контролер – умудрился ее отпереть. Майор вновь тщательно закупорил проход и, не доверяя штатному блокиратору, заблокировал для пушей надежности запор подобранным тут же обрезком толстой арматуры.

На трех из четырех оставшихся дверей замки тоже находились в рабочем состоянии и тоже были открыты. Прислушавшись, откуда доносятся крики контролера, майор оперативно позакрывал пригодные для этого двери. Благо кусков арматуры вокруг валялось предостаточно и другие запирающие механизмы также были заклинены на совесть.

С последней незапертой дверью дела обстояли не так хорошо, как с остальными, поскольку замка на ней не было вообще. Но беглый осмотр крайнего помещения выявил, что запирать его не имеет смысла, поскольку второго выхода из него нет, а само оно, судя по обилию на стенах ржавых обогревателей, служило когда-то сушилкой. Поэтому интродер оставил пятую дверь в покое и направился к выходу, где, как подсказывала Кальтеру интуиция, ловушек и мин было на порядок больше, чем в северном колодце...

До самой темноты майор без передышки занимался расчисткой выхода на поверхность. Мин и впрямь было много, но тот, кто устанавливал их, обладал не слишком богатой фантазией и опытом в этом деле. Минер – очевидно, солдат-срочник – действовал по принципу «чем больше, тем лучше». Маскировка минного заграждения также была выполнена из рук вон плохо и явно рассчитывалась лишь на мутантов. Даже бандиты, коих Кальтер отправил к праотцам несколько часов назад, проявили в этом деле больше старания, пусть в итоге оно их и не спасло. После знакомства со здешними аномалиями возня с минами казалась интродеру чем-то вроде детской игры в песочнице. Он обползал весь коридор и методично разрядил каждое обнаруженное взрывное устройство, успев завершить эту кропотливую работу аккурат к началу выброса.

Терзающие Кальтера причуды растревоженной памяти прекратились, как только он заблокировал последнюю дверь. Либо контролер удалился в глубь катакомб, либо попросту

оставил майора в покое, во что, правда, не слишком верилось. Тем не менее едва до интродера перестали долетать вопли мутанта, как разбушевавшиеся в голове Кальтера призраки угомонились, и ему заметно полегчало. Хотя неприятный осадок в душе, разумеется, остался.

Майор вновь ощутил его, когда закончил разминирование и спрятался в сушилке, чтобы переждать выброс. Анализируя пройденный за сегодня путь, Кальтер был неприятно удивлен, когда обнаружил, что контролер извлек у него из подсознания такие вещи, какие он считал давно и основательно забытыми. И отмахнуться от них не так-то просто: слишком много грязи всплыло в памяти интродера, чтобы взять и усилием вернуть эту грязь обратно, в темные глубины забвения.

Вспомнились даже те ложные картонные мишени, за попадание в которые всегда засчитываются штрафные очки и которые будущий «мизантроп», следуя букве приказа, не дрогнув, расстрелял все до единой... Майор хмыкнул: наверное, так же махровые садисты и убийцы вспоминают свое детство, а именно – кукол с оторванными головами и зверски замученных соседских кошек... Был ли Кальтер на самом деле таким садистом? Трудно сказать. Он никогда не испытывал удовольствия от совершаемых им убийств, но тем не менее не бросал эту службу, потому что не мыслил без нее своего существования. Устранение любой промаркированной Ведомством или случайной «помехи» было обусловлено стратегической необходимостью. Которая, в свою очередь, обуславливалась государственными интересами. Кальтер любил свою страну. И именно поэтому беспрекословно выполнял порученную командованием грязную работу, поскольку осознавал: кроме него – человека с холодным рассудком, – с нею больше никто не справится.

Невидимые войны, что ведутся государством на многочисленных невидимых фронтах, не прекращаются ни на миг. Большинство обычных граждан об этом знает, однако лишь немногие догадываются, каков истинный масштаб этой бесконечной, но необходимой войны. Та же ситуация и с ее правилами. Шпионские игры допускают убийство врага во благо Родины – об этом написано немало книг и снято огромное количество фильмов. А вот насколько широк может быть круг этих врагов, опять-таки подозревают лишь единицы.

Способен ли ребенок угрожать интересам могучего государства? В качестве потенциальной угрозы – вполне. Как способен он отвечать и за своего отца, сделавшего его заложником собственных необдуманных поступков. Карательная машина государственной безопасности разбирается с врагами – как прямыми, так и потенциальными – без каких-либо скидок на их возраст. На войне, солдатом которой являлся Кальтер, ему встречались и такие противники. Ведомство досконально рассчитывало, какую угрозу они могут представлять для страны в будущем, и загодя принимало меры по устранению очевидных последствий. На Востоке – в мире строгих традиций, где сыновья почти всегда шли по стопам отца, – подобные последствия просчитывались с высокой степенью вероятности.

Поэтому миру и не суждено узнать, насколько жестокой и кровавой была бы месть Хабиба Ибн Зухайра, чей отец – содержатель лагеря по подготовке наемников – и старший брат были приоритетными «помехами» Кальтера десять лет назад, под Гератом. Хабиб был младшим ребенком в этой воинственной семье, но Ведомство без колебаний «промаркировало» и его. С той лишь разницей, что присвоило ему рейтинг «второстепенная помеха», предоставив Кальтеру решать судьбу Хабиба по обстоятельствам. Обстоятельства в тот раз сложились так, что интродер вернулся из командировки, не оставив за собой по ту сторону границы никаких долгов...

И как это контролеру удалось вытащить из наглухо запакованного багажа воспоминаний Кальтера этот и подобные ему случаи? Что ни говори, а когда кто-то проникает к тебе в голову и начинает хозяйничать там, будто у себя дома, мерзкие ощущения от этого выбьют из равновесия кого угодно. Даже такого невозмутимого человека, как интродер.

Ну конечно! Вот в чем, оказывается, дело, а вовсе не в нахлынувших на майора предательских реминисценциях! И впрямь, при чем здесь Хабиб Ибн Зухайр и прочие «потенциальные враги государства»? Кальтера обеспокоил сам факт вторжения мутанта-псионика к нему в сознание, только и всего. Майор пережил крайне нетипичный стресс, который и вызвал у него столь бурную (по критериям «мизантропа», разумеется) реакцию. И теперь у Кальтера появился иммунитет на этот раздражитель. Зная первопричину нового стресса, интродер готов обуздать его при малейших признаках повторного появления. А воспоминания... Да черт с ними, с воспоминаниями! Зацикливаться на них – значит зазря баламутить воду в глубоком озере забвения. Все, что необходимо сейчас майору, оставить это озеро в покое. И тогда плавающие на поверхности воспоминания сами осядут на его вязкое илистое дно – туда, откуда они внезапно и всплыли.

Задумано – сделано. Сконцентрировавшись на предстоящей этой ночью разведывательной операции в преддверии встречи «помех», Кальтер абстрагировался от провокационных мыслей, перекусил и прикорнул в углу сушилки, чтобы вздремнуть до окончания выброса.

Поэтому майор и не видел, как снаружи небо полыхало багровым заревом – Зона готовилась к очередному выбросу, что вот-вот должен был пройти над проклятыми землями убийственной волной аномальной энергии. И горе тому сталкеру, что не успел укрыться от выброса за бетонными стенами подвалов и бункеров. В эти штормовые часы Зона демонстрировала планете свой истинный лик, узреть который воочию и остаться в живых не мог ни один человек. Что именно творилось во время выброса на просторах Зоны, не знал никто. Предугадать последствия катаклизма тоже было невозможно. Возникали новые аномалии и мутировавшие формы жизни. Иногда взамен старых, но чаще – в придачу к ним. Истоптанные сталкерские тропы вмиг становились непроходимыми, и наоборот – там, куда раньше скитальцы не забредали и под дулом автомата, теперь могли без опаски появляться даже новички. Зона непрерывно мутировала вместе с порожденными ею тварями и аномалиями, и казалось, лишь человек еще умудряется сохранять в ней свою первозданную сущность.

Но так только казалось. Зона была достаточно могущественна, чтобы взять на себя даже права Господа Бога и изменить по своей прихоти любого скитальца, которого судьба заносила в эти края. Каждый, кто пересекал Кордон, становился игрушкой в руках Зоны. Иногда – любимой, иногда – очень быстро надоедающей. А иногда – вызывающей любопытство. То самое любопытство, с каким ребенок разбирает на части заинтересовавшую его игрушку, дабы проверить, что же находится у той внутри и можно ли будет с нею после этого играть.

Кальтер дремал вполглаза, прислонившись к стене, и слушал вполуха сопровождающую выброс безумную какофонию атмосферных шумов. За годы службы в «Мизантропе» он научился загревком чутать, когда за ним следят, и сомневался, что в данный момент кому-то поблизости известно о его присутствии. Разумеется, кроме запертого в катакомбах контролера. Но теперь это орущее чудовище вряд ли могло сорвать планы интродера.

Кальтеру было невдомек, что он ошибается и Зона давно положила на него свой всевидящий глаз. Майор продолжал непрерывно изучать Зону, а она, в свою очередь, пристально взирала на майора из-под серой вуали небес и явно чего-то выжидала. Огромная коварная тварь славилась своей непредсказуемой переменчивостью, но когда ей было нужно, она могла прикинуться смирной, затаиться и ждать. Правда, недолго. И в случае с Кальтером это «недолго», похоже, подходило к концу...

Глава 5

Вот уж не думал капитан Назар Чупренко, что пришедший к ним в батальон с самого верха приказ о полном прекращении огня по Небесному Пауку позволит капитану наварить на этом обстоятельстве впечатляющий куш! Такой, какой не выпадал Чупренко уже давно – с тех пор, как его бывшего непосредственного командира, полковника Николая Сердобольцева, отстранили от занимаемой должности по подозрению в служебных махинациях и отправили на время разбирательства в длительный отпуск «по состоянию здоровья».

С приходом в Шестой миротворческий батальон нового комбата – подполковника Пушкаря – дела у Назара – командира второй мотострелковой роты – шли не ахти. И хоть Пушкарь тоже был «человеком Сердобольцева», вести бизнес прежними темпами стало опасно (но все равно, спасибо могучим связям Николая Ивановича, который, даже находясь под следствием, не допустил полного краха своего теневого предприятия). Особисты из штаба округа шныряли по гарнизону, как тараканы, и пытались совать свой нос во все, чем занимались в Зоне миротворцы. Но раскопать компромат на Сердобольцева и Чупренко особистам никак не удавалось, потому что за пределами Зоны оба махинатора были чистенькими, как слезы Девы Марии. Всеми преступлениями, в которых подозревались Назар и его покровитель, они занимались исключительно на территории Зоны. Именно там, вдали от любопытных глаз, организаторы схемы по незаконной продаже оружия, являющиеся в ней лишь посредниками, вели переговоры с поставщиками, которые без этого связующего «официального» звена попросту не могли переправить товар через Кордон. А переправлялся он под видом всего, чего угодно, только не оружия: противорадиационных химикатов, научного оборудования, инженерных средств, горючего и прочих материалов, необходимых работающим в Зоне исследовательским группам ученых. Элементарная, но благодаря обширным связям Сердобольцева вполне надежная и прибыльная схема.

Наученные горьким опытом, ищейки из Особого отдела предпочитали не соваться в Зону без крайней нужды. Они знали, что не могут полностью полагаться в тех диких местах на прикрытие солдат. Всему виной была извечная нелюбовь простых вояк к особистам – дознавателям из Отдела внутренних расследований. А на обычном окопном языке – крысам, рыскающим по гарнизонам с единственной целью – выполнить разнарядку сверху по выявлению латентных нарушителей Устава, независимо от их звания и занимаемой должности.

В числе этих нарушителей мог оказаться любой, даже честный служака, стоило ему лишь попасть под подозрение какого-нибудь ретивого особиста. В Зоне патологическая ненависть военных к своим «гнилым» собратьям по оружию проявлялась особенно остро. Каждая пересекавшая периметр «крыса» становилась потенциальной жертвой какого-нибудь мутанта или аномалии. В двух случаях из трех спасение от них особистов становилось делом рук самих особистов. А сопровождающая их охрана – обычные солдаты армейского патруля – не больно-то спешила явиться на зов угодившего в передрыгу дознавателя. Или того хуже – вставали на сторону какого-нибудь кровососа и помогали тому добыть себе обед в лице опекаемой ими штабной ищейки. Официально таких случаев зафиксировано, естественно, не было, однако и особисты, и вояки прекрасно знали: подобное сведение счетов случалось в Зоне не раз и не два.

Все это здорово играло на руку капитану Чупренко и его подельникам-подчиненным – бойцам-контрактникам, многие из которых только потому и остались на сверхсрочную службу, чтобы не выходить из доходного бизнеса Сердобольцева. Весь третий взвод роты Чупренко состоял из лично отобранных им «сверчков» – сержантов и прапорщиков, которым комроты выплачивал второе – неофициальное – жалованье, на несколько порядков превосходящее контрактное. Капитан и его верные «чупренцы» чувствовали себя в Зоне практически безнаказанно. Они совершали плановые и внеплановые рейды только в таком, строго определенном

составе, объясняя это нежеланием рисковать жизнью обычных солдат-срочников. Со стороны поведение Чупренко выглядело весьма благородно, но особисты давно подозревали, что кроется за этим постоянством. Впрочем, доказать они все равно ничего не могли, а уж напрашиваться в рейд с командиром второй роты не стремились и подавно. Никому из особистов не хотелось пополнить собой статистику погибших либо канувших без вести офицеров работающего в Зоне миротворческого контингента.

Утро этого в целом обычного для Чупренко дня началось строго по расписанию. Верный капитану взвод ветеранов-контрактников расселся по трем БТРах и во главе с комроты выдвинулся в рейд по маршруту Темная Долина – Свалка – «Агропром». Обычное плановое мероприятие по отстрелу мутантов и фиксации новых очагов аномалий. Правда, сегодня группу Чупренко сопровождали двое ученых на легком грузовике, прибывших вчера из Минска с заданием от своего института установить в Зоне какие-то датчики. Оборудование было довольно громоздкое, и чтобы его не растащили вездесущие сталкеры, датчики следовало разместить на контролируемой военными территории. Именно к такой и относился район бывшего НИИ «Агропром». Там у Шестого батальона имелся форпост – полевая база, где участвующие в многодневных рейдах солдаты могли спокойно поесть, отдохнуть и переночевать.

Точнее, военные удерживали под контролем не всю территорию «Агропрома», а лишь его исследовательский центр, состоящий из главного трехэтажного корпуса, нескольких одноэтажных служебных построек, парочки стальных ангаров и проржавевших топливных резервуаров. Отдаленный от хозяйственного комплекса зданий и железнодорожной станции (разумеется, не функционирующей, как и вся система железных дорог Зоны), научный центр был огорожен высоким бетонным забором, в котором, правда, зияли небрежно заделанные бреши. Зато вся территория вокруг центра просматривалась как на ладони и была отлично пристреляна. Вдобавок военные настроили по периметру забора несколько вышек. На них каждое останавливающееся здесь подразделение отражало наблюдателей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.